

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК

Мари
Корелли

СКОРБЬ САТАНЫ
♦
ВАРАВВА

« А З Б У К А »

Иностранная литература. Большие книги

Мария Корелли

Скорбь Сатаны. Варавва

«Азбука»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корелли М.

Скорбь Сатаны. Варавва / М. Корелли — «Азбука»,
— (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-33941-5

Мари Корелли – творческий псевдоним английской писательницы Мэри Маккей (1855–1924). Ее роман «Скорбь Сатаны» (1895) стал одним из крупнейших литературных событий Викторианской эпохи. Он имел чрезвычайный успех у читателей, побив все возможные рекорды продаж. Когда на писательницу ополчились критики, ее поддержал Оскар Уайльд, чей роман «Портрет Дориана Грея», написанный пятью годами ранее, во многом предвосхитил появление «Скорби Сатаны». Обратившись к популярному сюжету о сделке с дьяволом, Мари Корелли создала один из самых неоднозначных в мировой литературе образов Сатаны: это герой, не желающий зла, но творящий его, искушающий людей, но живущий надеждой на то, что они преодолеют свои желания и перестанут грешить. В романе «Варавва» (1893) писательница обратилась к событиям евангельской истории. Главным героем в нем становится преступник по имени Варавва, которого Понтий Пилат отпустил на свободу по требованию толпы вместо Иисуса Христа. Интересно, что перевод романа на русский язык был выполнен по личному распоряжению Николая II, очень высоко оценившего это произведение. И в наши дни романы Мари Корелли заслуженно пользуются любовью читателей.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33941-5

© Корелли М.

© Азбука

Содержание

Скорь Сатаны	8
I	8
II	14
III	17
IV	23
V	31
VI	38
VII	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мария Корелли
Скорь Сатаны. Варавва
Романы

Marie Corelli
THE SORROWS OF SATAN
BARABBAS

© А. Д. Степанов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

**ИНОСТРАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Мари Корелли

СКОРЬ САТАНЫ
♦
ВАРАВВА

Санкт-Петербург

Скорь Сатаны

I

Знаете ли вы, что значит бедность? Не та надменная бедность, на которую жалуются некоторые люди, имеющие пять-шесть тысяч фунтов годового дохода и при этом уверяющие, что едва сводят концы с концами, а настоящая бедность – жестокая, безобразная, беспросветная, грязная и жалкая нищета? Бедность, которая заставляет вас носить один-единственный костюм, пока он совсем не вытрется, бедность, из-за которой у вас нет чистого белья, потому что нечем заплатить прачке, бедность, лишаящая вас самоуважения и вынуждающая крадучись пробираться по улицам, вместо того чтобы гордо и непринужденно чувствовать себя среди своих собратьев, – вот какую бедность я имею в виду. Это тяжелое проклятие, подавляющее низкими заботами все благородные устремления. Это нравственный рак, разъедающий сердце человека, во всех остальных отношениях благонамеренного. Это то, что делает его завистливым, злобным и заставляет подумывать о динамите. Когда он видит праздную полную даму, проезжающую мимо в роскошной карете, лениво откинувшись на подушки, с лицом, идущим багровыми и красными пятнами от обжорства, когда он видит безмозглого и развратного светского хлыща, покуривающего и бездельничающего в парке, словно весь мир и миллионы честных тружеников созданы исключительно для случайного развлечения так называемых «высших» классов, – тогда здоровая кровь в нем обращается в желчь, поднимается в бунте его страдающий дух и раздается его крик: «Боже правый! Откуда такая несправедливость? Почему у никчемного бездельника карманы набиты золотом по воле случая – благодаря полученному наследству, а я, неустанно трудящийся с утра до полуночи, не могу даже прокормиться?!»

И правда – почему?! Отчего нечестивые должны процветать, как ветвь лавровая? Раньше я часто думал об этом. Однако теперь полагаю, что могу ответить на этот вопрос, исходя из своего личного опыта. Но... какого опыта! Кто поверит, что это было на самом деле? Кто поверит, что на долю смертного может выпасть нечто столь странное и ужасное? Нет, никто. И все же это правда, которая вернее многого из того, что принято считать правдой. Более того, наверняка подобные происшествия пережил не я один. Многим случалось оказаться под точно таким же влиянием и, возможно, иногда сознавать, что запутались в паутине греха. Но они слишком слабы волей, чтобы разорвать эту паутину, чтобы выйти из своей добровольной тюрьмы. Выучат ли когда-нибудь мои уроки те, кто проходит сейчас ту же жестокую школу, у того же грозного наставника? Постигнут ли они, как пришлось постичь мне, всем моим существом, тот обширный, единственный, деятельный Разум, который стоит за всем материальным и непрестанно, хотя и безмолвно, трудится? Примут ли они вечного и благого Бога? Если да, то рассеются темные тучи и казавшееся кривдой обернется чистой справедливостью! Но я не надеюсь убедить или просветить своих братьев этими писаниями. Я слишком хорошо знаю их упрямство, поскольку могу оценить его по себе. Когда-то я был так горд, что мою самоуверенность не смог бы поколебать никто из смертных, и я знаю, что у других все обстоит точно так же. Поэтому я просто расскажу по порядку об обстоятельствах моей жизни так, как они складывались, предоставив более самоуверенным людям по мере сил ставить и решать вопросы о тайнах человеческого существования.

В жестокую зиму, надолго запомнившуюся своей арктической суровостью, когда гигантская волна холодного воздуха заключила в ледяные объятия не только счастливые Британские острова, но и всю Европу, я, Джеффри Темпест, в одиночестве жил в Лондоне, находясь почти что на грани голодной смерти. В наши дни голодный человек редко вызывает сочувствие, которого заслуживает, поскольку немногие ему верят. Наиболее недоверчивы только что наевшиеся

до отвала богачи. Случается, что они даже улыбаются, заслышав о голодающих, как будто это шутка, придуманная для их послеобеденного развлечения. Есть у людей света одно раздражающее свойство – неспособность к сосредоточенному вниманию, так что, задавая вопрос, они не ждут и не понимают ответа. Услышав о том, что кто-то умер от голода, они только рассеянно пробормочут: «Какой ужас!» – и тут же перейдут к обсуждению чьей-то последней «причуды», чтобы убить время, прежде чем время убьет их самих чистой *ennui*¹. Известие о том, что кто-то действительно голодает, звучит грубо, низко и не может служить темой для разговора в приличном обществе – том обществе, которое всегда съедает больше, чем следует. Однако в то время, о котором идет речь, я – кому позднее завидовали столь многие – слишком хорошо знал жестокое значение слова «голод». Я знал назойливую боль, нездоровую слабость, смертельное оцепенение, ненасытную жажду, животную тягу к простой пище – все эти ощущения, ужасные для бедняков, привыкших к их ежедневному повторению, но которые, быть может, еще более мучительны для человека благородного воспитания, считающего себя – о Боже! – «джентльменом». И я чувствовал, что не заслужил того несчастного положения, в каком оказался. Я много трудился. С тех пор как умер мой отец и обнаружилось, что его состояние, вплоть до последнего пенса, уйдет толпе кредиторов и что от всего нашего дома и имущества мне осталась одна только инкрустированная драгоценными камнями миниатюра моей матери, скончавшейся, когда я появился на свет, – с тех пор я впрягся в работу и трудился от темна и до темна. Я дал своему университетскому образованию то единственное применение, к которому оно оказалось пригодным: занялся литературным трудом. Я обратился почти во все лондонские газеты и журналы, надеясь стать сотрудником, но одни отказывались, другие соглашались взять меня на испытательный срок, и никто не предлагал мне постоянного жалованья. К человеку, решившему положиться на собственный ум и перо, в начале его карьеры относятся чуть ли не как к изгою. Он никому не нужен, его все презирают. Его потуги высмеиваются, рукописи возвращаются непрочитанными, и общество беспокоится о нем меньше, чем о заключенном в тюрьму убийце. Тот, по крайней мере, сыт и одет, его навещает почтенный священнослужитель, и надзиратель изредка снисходит до того, чтобы сыграть с ним в карты. Но человек, одаренный оригинальными мыслями и талантом их выражать, кажется властям предрержащим кем-то худшим, чем самый отъявленный преступник, и «тузы общества» объединяются, чтобы сжить его по мере возможности со свету. Я принимал пинки и побои в угрюмом молчании и продолжал влачить свое существование не из любви к жизни, а просто потому, что презирал самоуничтожение как трусость. Молодость не позволяла мне так просто распрощаться с надеждой. Смутное представление, что придет и моя пора, что вечно вращающееся колесо Фортуны, быть может, когда-нибудь вознесет меня ввысь, как теперь опускает вниз, оставляло мне лишь усталую способность продолжать жить, не более. В течение примерно полугода я сотрудничал в качестве обозревателя в известном литературном журнале. Мне присылали для написания рецензий до тридцати романов в неделю. Я бегло просматривал примерно десяток и писал страничку трескучей ругани в адрес этих случайно выбранных авторов, а прочих обходил молчанием. Оказалось, что такой образ действий почитался «умным», и в течение какого-то времени мне удавалось угождать главному редактору, который платил мне от своих щедрот пятнадцать шиллингов в неделю. Но затем я совершил роковую ошибку: я изменил своей тактике и горячо расхвалил произведение, показавшееся мне превосходным и действительно оригинальным. Автор оказался давним врагом издателя моего журнала. На мою беду, хвалебный отзыв в адрес нежелательного автора был напечатан, личная злоба перевесила общественную справедливость – и я был немедленно уволен.

После этого я перебивался кое-как, выполняя поденную работу для ежедневных газет и пробавляясь обещаниями, которые так и не воплощались в жизнь, пока, как уже было сказано,

¹ Скукой, внутренней опустошенностью (*фр.*).

в самом начале упомянутой суровой зимы не обнаружил себя перед лицом голодной смерти, буквально без гроша в кармане, задолжав месячную арендную плату за бедную квартирку в глухой улочке недалеко от Британского музея. Целыми днями бродил я из одной газетной редакции в другую в поисках заработка и не находил ничего. Все вакансии были заняты. Кроме того, я безуспешно пытался пристроить собственную рукопись – художественное произведение, которое, как мне казалось, имело некоторые достоинства, но которое все «чтецы» в издательствах находили никуда не годным. Эти «чтецы», как выяснилось, и сами в большинстве были романистами, в свободное время оценивавшими чужие произведения. В таком положении вещей мне виделась явная несправедливость: по-моему, это просто способ возвращать посредственности и подавлять оригинальный талант. Здравый смысл указывает на тот факт, что «чтец»-романист, добившийся определенного положения в литературе, скорее поощрит какую-нибудь эфемерную безделку, чем произведение, обладающее большими достоинствами, чем его собственные сочинения. В любом случае, независимо от того, хороша или дурна подобная система, она была убийственна для меня и для моих произведений. Последний издатель, с которым я имел дело, был добрый человек, посмотревший на мой поношенный костюм и изможденное лицо с некоторым сочувствием.

– Мне очень, очень жаль, – сказал он, – но мои «чтецы» совершенно единодушны. Из того, что я прочел сам, мне показалось, что вы слишком серьезны. А также чрезмерно саркастичны в некоторых выпадах против общества. Дорогой мой, так не пойдет. Никогда не вините общество, ведь именно оно покупает книги! Вот если бы вы могли написать модную любовную историю, немного, знаете ли, *risqué*², и даже более чем *risqué*, если уж на то пошло. Вот это для нашего времени...

– Простите, – устало перебил я. – А вы уверены, что действительно знаете вкусы читателей?

Он улыбнулся вежливо и снисходительно: по-видимому, его позабавило проявленное мной невежество.

– Разумеется, – ответил он, – ведь это моя работа: знать вкус публики так же хорошо, как собственный карман. Поймите, я не предлагаю вам написать книгу на какую-нибудь уж совсем неприличную тему, которую можно смело рекомендовать только женщине из «новых», – тут он засмеялся, – но поверьте мне, что ваша высоколобая художественная литература не продается. Прежде всего, она не нравится критикам. А что обязательно понравится и им, и читающей публике, так это реалистическая история несколько сенсационного характера, рассказанная скучным газетным языком. Литературный английский – аддисоновский английский – воспринимается как одна сплошная ошибка.

– И я тоже одна сплошная ошибка, – сказал я с натянутой улыбкой. – Во всяком случае, если то, что вы говорите, правда, то я должен положить перо и заняться другим делом. Я настолько старомоден, что считаю Литературу высшим из человеческих занятий и не хотел бы присоединяться к тем, кто сознательно унижает ее.

Издатель бросил на меня быстрый взгляд – пренебрежительный и в то же время недоверчивый.

– Ну-ну! – произнес он после паузы. – А вы, я смотрю, не чужды донкихотства. Но это пройдет. Не желаете ли сходить со мной в клуб поужинать?

Я отверг это приглашение не раздумывая. Мой собеседник несомненно понимал, в каком жалком положении я нахожусь, и гордость – ложная гордость, если угодно, – пришла мне на помощь. Торопливо попрощавшись, я забрал отвергнутую рукопись и вернулся к себе домой. Квартирная хозяйка встретила меня внизу у лестницы и спросила, не буду ли я «так любезен» рассчитаться с ней на следующий день. Она была достаточно вежлива, бедняжка, в ее голосе

---

² Здесь: вольную (фр.).

и позе чувствовалась сострадательная нерешительность. Хозяйка явно жалела меня, и это уязвило мою душу не меньше, чем задевшее гордость предложение издателя отобедать. С дерзкой самоуверенностью я тотчас пообещал ей вернуть деньги в срок, ею самой назначенный, хотя не имел ни малейшего понятия, где и как добыть требуемую сумму.

Распростившись с хозяйкой и запершись в своей комнате, я швырнул бесполезную рукопись на пол, рухнул на стул и – выругался. Брань освежила меня – что казалось естественным, ибо, хотя я и ослабел от недоедания, но не настолько, чтобы проливать слезы, а свирепая грозная ругань принесла мне то же физическое облегчение, какое приносят рыдания разволновавшейся женщине. Но я не мог проливать слезы, и точно так же не мог обратиться в своем отчаянии к Богу. Честно говоря, я и не верил ни в какого Бога – *в то время*. Сам себе я казался самодостаточным человеком, презирающим ветхие суеверия так называемой религии.

Разумеется, я был воспитан в христианской вере, но она лишилась в моих глазах всякой ценности с тех пор, как я осознал, насколько бесполезны священнослужители при решении трудных жизненных проблем. Духовно я плыл по течению хаоса, ни в мыслях, ни в делах я не был способен на нечто значительное, а физически был доведен до крайности. Случай отчаянный, в отчаянии я и пребывал.

Если добрые и злые ангелы действительно могут сыграть в азартную игру за человеческую душу, то наступил один из таких моментов: они, несомненно, кидали кости в последний раз. И, несмотря на это, я чувствовал, что сделал все, что мог. Меня загнали в угол мои ближние, пожалев для меня жизненного пространства, но я не смирился и продолжал бороться. Я честно и терпеливо трудился – как оказалось, зря. Мне доводилось видеть наживших горы денег мошенников и накопивших большие состояния подлецов. Их процветание наводило на мысль, что честность – не лучший выбор. Что же тогда делать? Как приступить к иезуитскому злу так, чтобы получить из него благо – мое собственное благо? Вот каким скучным мыслям я предавался, если только подобные блуждающие фантазии отупевшего ума заслуживают называться мыслью.

Ночью было ужасно холодно. Руки у меня онемели, и я попытался согреть их у керосиновой лампы, которую хозяйка разрешала мне использовать, несмотря на задержку квартирной платы. При этом я заметил на столе три письма: одно в продолговатом синем конверте, наводящем на мысль о какой-то повестке или о возвращенной рукописи, второе – с мельбурнским почтовым штемпелем, а третье – объемистое послание в квадратном конверте с красно-золотой коронкой на обороте. Я равнодушно перебрал все три письма и, выбрав то, что пришло из Австралии, помедлил несколько мгновений, прежде чем распечатать. Я знал, от кого оно было, и лениво гадал, какие в нем содержатся вести. Несколько месяцев назад я написал подробный отчет о своих растущих долгах и прочих затруднениях старому приятелю, однокурснику по университету. Решив, что Англия слишком тесна для его амбиций, он отправился в более просторный Новый Свет, рассчитывая разбогатеть на добыче золота. Насколько мне было известно, дела у него шли хорошо, он добился довольно солидного положения, и потому я осмелился прямо попросить у него займы пятьдесят фунтов. Письмо, без сомнения, содержало ответ, и я мешкал, прежде чем сломать печать.

– Конечно, там отказ, – сказал я сам себе вполголоса. – Как бы добр ни был друг, стоит попросить у него займы, и он проявит черствость. Он выразит глубокое сожаление, будет сетовать на упадок торговли и вообще на плохие времена, выразит надежду, что я скоро «выкарабкаюсь». Знаю я все это. Так, в конце концов, стоит ли ожидать, что этот человек окажется непохож на других? У меня нет к нему никаких претензий, только несколько воспоминаний о славных деньках, совместно проведенных в Оксфорде.

Я невольно вздохнул, и взор мой на мгновение затуманился. Снова увидел я серые башни мирной Магдалины, салатного цвета деревья, бросающие тени на дорожки в милом моему сердцу старинном университетском городке, где мы – я и тот, чье письмо я сейчас держал

в руке, – прогуливались вместе, счастливые и юные, воображая, что мы молодые гении, призванные возродить этот мир. Мы оба любили классику, с жадностью впитывали слова Гомера, мысли и изречения бессмертных греков и римлян, и я искренне верю, что в те дни надежд мы думали, что в нас есть нечто, свойственное только героям. Но, едва выйдя на общественную арену, мы лишились возвышенного самомнения, увидев, что являемся рядовыми работниками, не более. Рутинный труд и проза жизни отодвинули Гомера на задний план, и вскоре мы убедились, что общество куда больше интересуется последним громкий скандал, чем трагедии Софокла или мудрость Платона. Что ж! Несомненно, с нашей стороны было чрезвычайно глупо мечтать о важной роли в возрождении человечества – поприще, на котором потерпели неудачу и Платон, и сам Христос. Однако и самый закоренелый циник вряд ли стал бы отрицать, что приятно оглянуться на дни юности, если это внушает мысль: «Ну хоть тогда, хоть раз в жизни у тебя были благородные порывы!»

Лампа коптила, и мне пришлось подправить ее, прежде чем сесть и прочитать письмо друга. За стеной кто-то играл на скрипке, и играл хорошо. Нежно и в то же время живо извлекал ноты смычок, и я умиротворенно слушал. От голода я совсем изнемог и находился в каком-то вялом состоянии, граничащем с оцепенением, – и пронзительная сладость музыки, взывавшая только к эмоциям и чувству прекрасного, усыпила на какое-то время жаждущее пищи животное.

– Взять хоть тебя, – бормотал я, обращаясь к невидимому музыканту. – Ты играешь на этой твоей милой скрипке, – без сомнения, за сущие гроши, которые едва поддерживают твою жизнь. Может быть, ты какой-нибудь бедолага из дешевого оркестра или уличный музыкант и живешь в этом месте по соседству с умирающим от голода «джентльменом»... Разве есть у тебя надежда на то, чтобы «войти в моду» и сразу зажечь лучше или попасть в придворные музыканты? А если ты все же лелеешь такую надежду, то совершенно зря. Играй, мой друг, играй! Звуки твоей скрипки так приятны и, слушая их, кажется, что ты счастлив. Так ли это? Или может быть, ты, подобно мне, катишься к Дьяволу в пропасть?

Музыка стала тише и жалобнее, и теперь ей вторил стук градин по оконным стеклам. Порывистый ветер завывал под дверью и ревел в каминной трубе. Это был ветер холодный, как хватка смерти, и пронизывающий, как острый нож.

Я вздрогнул и, склонившись над коптящей лампой, обратился к своим австралийским новостям. Когда я разрезал конверт, на стол выпал чек на пятьдесят фунтов, который следовало обналичить в известном лондонском банке. Сердце мое дрогнуло от облегчения и благодарности.

– Ах, Джон, старина, как я мог дурно о тебе подумать?! – воскликнул я. – Нет, ты сохранил доброе сердце!

И, глубоко тронутый щедростью друга, я с жадностью прочел его письмо. Оно оказалось не очень длинным и, видимо, было написано в спешке.

Дорогой Джефф,

мне было грустно узнать, что тебе не везет в жизни. Какое же количество глупцов все еще процветает в Лондоне, если человек с твоими способностями не может занять подобающее ему место на литературном поприще и получить достойное признание! Полагаю, все дело в интригах, а деньги – единственное, что может им противостоять. Прилагаю пятьдесят фунтов, о которых ты просил. Не торопись их возвращать. Хочу сделать для тебя в этом году действительно доброе дело: послать тебе друга, и заметь – настоящего, а не притворного! Он принесет рекомендательное письмо от меня, и, поверь мне, старина, лучшее, что ты можешь сделать, – это предать и самого себя, и свои литературные дела полностью в его руки. Он знаком со всеми и знает все уловки редакций и газетных кланов.

Кроме того, он большой филантроп и, кажется, особенно любит общество духовенства. Тебе может показаться, что у него довольно странный вкус, но причина его предпочтений – как он сам откровенно объяснил мне – состоит в огромном богатстве, с которым он просто не знает, что делать. Дistinguished джентльмены из церкви, как правило, готовы подсказать ему, куда потратить часть из средств. Он всегда рад, если его деньги и влияние (а он очень влиятелен!) оказываются полезны другим. Мне он помог с весьма серьезным делом, и я в большом долгу перед ним. Я ему рассказал, какой ты умный малый и на каком счету ты был в нашей дорогой Alma Mater, и он обещал поспособствовать твоему успеху. Он может достичь всего, чего пожелает, и это вполне понятно в мире, где и нравы, и достижения цивилизации, и все прочее подчиняются власти денег, а его богатство кажется неисчерпаемым. Воспользуйся его помощью: ведь он сам этого желает и к этому готов, – а затем дай мне знать, как обстоят дела. Что касается пятидесяти фунтов, то не беспокойся о них, пока трудные времена не останутся позади.

*Всегда твой,
Боффлз*

Я рассмеялся, увидев нелепую подпись, хотя глаза мои едва не застилали слезы. Боффлз – прозвище, которое дали моему другу товарищи по колледжу, и ни он, ни я не знали, откуда оно взялось. Как бы там ни было, никто, кроме преподавателей, никогда не обращался к нему по имени: Джон Каррингтон. Для всех он был просто Боффлз и остался таковым до сего дня для всех своих близких. Я сложил и спрятал письмо вместе с чеком на пятьдесят фунтов и, прогнав удивление по поводу не знающего счета деньгам «филантропа», принялся за два других письма. Теперь я с облегчением сознавал: что бы ни случилось, я могу выполнить свое обещание и завтра же рассчитаться с хозяйкой. А еще я мог заказать ужин и разжечь огонь, чтобы в комнате стало повеселее. Но прежде чем обратиться к этим земным благам, я вскрыл длинный синий конверт, напоминавший грозную повестку в суд, и, развернув лист бумаги, уставился на него в полном изумлении.

Что это?!

Буквы плясали у меня перед глазами. Озадаченный, сбитый с толку, я ловил себя на том, что вновь и вновь перечитываю строки, как будто не понимая их совершенно ясного содержания. Вскоре смысл дошел до меня и поразил мои чувства, как удар током...

Нет! Это невозможно! Фортуна никогда не выкидывала более безумного трюка! Никто и никогда еще не становился предметом такой дикой гротескной шутки! Должно быть, меня разыгрывали... а между тем... если это была и шутка, то замечательно искусная! Шутка, наделенная всей силой закона!.. Сколь бы причудливой и фантастической ни была судьба, правящая делами человеческими, новость казалась очень правдивой!

II

С трудом успокоившись, я еще раз внимательнейшим образом перечитал документ, и мое изумление только усилилось. Наверное, я сошел с ума? Нет ли у меня высокой температуры? Может ли это невероятное, это удивительное известие действительно быть правдой? Потому что... если бы это было правдой... Боже мой! Да от одной мысли об этом кружилась голова... Одна только сила воли удерживала меня от обморока, столь велики были волнение, изумление и восторг. Если бы это оказалось правдой – тогда весь мир лежал бы у моих ног! Из нищего я превратился бы в короля. Стал бы кем только пожелал бы стать! В письме – удивительном письме, украшенном вензелем известной лондонской юридической компании, – в скупых и точных выражениях объявлялось, что дальний родственник моего отца, о котором я слышал разве что в детстве, да и то крайне редко, внезапно скончался в Южной Америке, оставив меня своим единственным наследником.

Недвижимое и движимое имущество оценивается в настоящее время более чем в пять миллионов фунтов стерлингов, и мы сочтем за честь, если Вы соблаговолите зайти к нам в любой день на этой неделе, чтобы мы могли вместе выполнить необходимые формальности. Большая часть наличных денег хранится в Банке Англии, другая значительная часть размещена в ценных бумагах французского правительства. Мы предпочли бы обсудить дальнейшие детали с Вами лично, а не путем переписки. В надежде, что Вы, досточтимый сэр, свяжетесь с нами незамедлительно, остаемся вашими покорными слугами...

Пять миллионов! Мне, голодающему литературному поденщику, не имеющему ни друзей, ни надежд, обивающему пороги низких газетных притонов, мне достается «более пяти миллионов фунтов стерлингов»! Я пытался осознать это поразительное известие – ибо оно, по всей видимости, было реальностью, – но никак не мог. Оно казалось диким бредом, следствием головокружения и тумана перед глазами, происходившими от недостатка пищи. Я оглядел комнату: убогая жалкая мебель, нерастопленный камин, грязная лампа, хлипкая низкая кровать – все свидетельствовало о нужде, доходящей до нищеты. Какой контраст между окружавшей меня бедностью и только что полученным известием! Дичайшее, нелепейшее несоответствие, о котором никто никогда не слыхивал, которого никто и вообразить бы не смог!

Я разразился хохотом...

– Случался ли когда-либо раньше столь безумный каприз Фортуны?! – вскричал я. – Кто бы мог подумать! Боже! Меня! Из всех людей на свете именно меня избрало Провидение! Клянусь Небом! О, если все это правда, то я не заставлю себя ждать! Теперь все это общество завертится, как волчок, от одного движения моей руки!

И я вновь расхохотался. Я смеялся так же, как прежде бранился: просто чтобы облегчить душу. И тут послышался ответный смех, который, казалось, вторил моему. Я испуганно смолк и прислушался. За окном лил дождь и ветер завывал, как сварливая карга. Скрипач по соседству отрабатывал на своем инструменте блестящую руладу, мелодия взлетала вверх и падала вниз. Но других звуков, кроме этих, слышно не было. И все же я был готов поклясться, что различил громкий мужской смех где-то совсем неподалеку.

– Должно быть, почудилось, – пробормотал я, прибавляя в лампе огня, чтобы осветить комнату. – Должно быть, я слишком разволновался, да это и неудивительно! Бедняга Боффлз! Добрый старый друг!

Я вспомнил о чеке на пятьдесят фунтов, который всего несколько минут назад казался мне манной небесной.

– Какой сюрприз для тебя, Боффлз! Не успел ты отправить мне денег взаймы, как получишь их обратно, да еще с добавкой в пятьдесят процентов за щедрость. А что касается нового мецената, которого ты рекомендовал мне в качестве помощника в затруднениях, то, должно быть, это превосходный старый джентльмен, но на этот раз он остается не у дел. Мне не нужно ни помощи, ни совета, ни покровительства, я могу купить все! Титулы, почести, имущество – все это можно купить! Любовь, дружба, положение в обществе – все это продается в наш восхитительный коммерческий век. Все достанется тому, кто предложит наивысшую цену. Клянись душой, твоему состоятельному «меценату» будет не просто сравняться со мной! Держу пари, что у него не найдется пяти миллионов на то, чтобы потратить их впустую! А теперь надо подумать об ужине. Мне придется жить в долг, пока я не получу наличные. И кстати, почему бы мне не покинуть эту убогую дыру прямо сейчас и не отправиться в лучшую из гостиниц!

Исполненный волнения и радости, я собирался уже выйти из комнаты, как вдруг свежий и сильный порыв ветра попал в каминную трубу. Клубы копоти обрушились на мою отвергнутую рукопись, которая так и лежала забытая на полу – там, где я бросил ее в отчаянии. Я торопливо поднял ее и принялся стряхивать мерзкую сажу, гадая при этом, какой окажется теперь судьба моего сочинения? Теперь, когда я мог себе позволить не только издать его сам, но и обеспечить рекламой, да не просто разрекламировать, а вызвать к нему интерес с помощью тех хитроумных способов, которые имеют конечным результатом то, что в издательских кругах именуют «фурором»! Я улыбался при мысли, как отомщу всем тем, кто пренебрегал мной и моим трудом. О, как они теперь будут посрамлены! Как начнут пресмыкаться у моих ног, словно побитые псы, как будут скулить, как бесстыдно лстыть! Все жестокосердные склонятся предо мной! Я был уверен в этом, и хотя деньги побеждают и не всегда, но они терпят неудачу, только если не направляются умом. Совместными усилиями разум и капитал способны перевернуть мир. Ведь это часто удается и одному только уму, без денег, а такое серьезное и доказанное обстоятельство следует принимать во внимание тем, у кого нет ума!

Занятый своими честолюбивыми устремлениями, я тем не менее то и дело улавливал теперь уже дикие звуки скрипки соседа: ноты, похожие на всхлипывания от боли, которые сменял беспечный женский смех. Вдруг я вспомнил, что еще не открыл третье письмо, увенчанное ало-золотой коронкой. Оно так и лежало, забытое на столе. Я взял его и, чувствуя едва ли не в самих пальцах какую-то странную неохоту, стал неспешно вскрывать плотный конверт. Достав оттуда не менее плотный лист писчей бумаги (также украшенный коронкой), я прочитал следующие строки, написанные превосходным – разборчивым, мелким и выразительным – почерком:

ДОРОГОЙ СЭР,

я имею на руках рекомендательное письмо от Вашего бывшего соученика по университету мистера Джона Каррингтона, проживающего ныне в Мельбурне, который был столь любезен, что предоставил мне возможность познакомиться с человеком, наделенным, насколько мне известно, исключительным литературным даром. Я зайду к Вам сегодня вечером между восемью и девятью часами. Надеюсь застать Вас дома и незанятым. Прилагаю свою карточку и адрес, по которому я проживаю в настоящий момент.

*Остаюсь искренне преданным Вам,
Луцио Риманес.*

Визитная карточка выпала из конверта на стол, когда я закончил читать письмо. На ней была маленькая, изящно выгравированная коронка и надпись:

КНЯЗЬ ЛУСИО РИМАНЕС

Ниже был небрежно нацарапан карандашом адрес в «Гранд-отеле».

Я перечитал послание еще раз. Оно было написано достаточно просто, ясно и вежливо. В нем не было ничего примечательного, ничего особенного, и все же оно показалось мне весьма многозначительным – непонятно почему. Характерный смелый почерк странным образом задерживал мой взгляд, и казалось, что человек, написавший это письмо, должен мне понравиться. А ветер тем временем ревел и соседская скрипка завывала, словно мятущийся дух какого-то погибшего в мучениях забытого музыканта!

Сознание мое помутилось, сердце упало. Капли дождя снаружи звучали, как крадущиеся шаги некоего шпиона, следившего за всеми моими движениями. Я сделался раздражительным и нервным. Предчувствие зла отчего-то омрачило светлый праздник внезапного счастья. Но тут я испытал прилив стыда – за то, что этот иностранный князь, если он действительно являлся таковым, да еще и несметный богач придет навестить меня – меня, теперь уже миллионера! – в столь убогом жилище. Еще даже не вступив во владение своим состоянием, я оказался охвачен жалким мещанским желанием притвориться, что никогда не был действительно беден, а только испытывал временные финансовые трудности! Если бы у меня имелся в кармане хотя бы шестипенсовик (а у меня его не было), я послал бы телеграмму своему будущему посетителю с просьбой отложить визит.

– Но в любом случае, – произнес я вслух, обращаясь к пустой комнате и отголоскам бури, – не следует встречаться с ним сегодня вечером. Я уйду, не оставив записки, а если он явится, пусть подумает, что я еще не получил его письма. Договорюсь о встрече, когда устроюсь получше и оденусь в соответствии со своим новым положением. Впрочем, нет ничего легче, чем держаться подальше от этого так называемого благодетеля.

Не успел я закончить свою речь, как мерцавшая лампа, зловеще вспыхнув, погасла, и я остался в кромешной тьме. Я издал вопль – отнюдь не благоговейный – и принялся разыскивать спички или, если они не обнаружатся, шляпу и пальто. Эти досадные и бесплодные поиски все еще продолжались, когда послышался стук копыт приближающихся галопом лошадей. Затем этот звук оборвался: кони остановились под моим окном. Окруженный мраком, я замер и прислушался. Внизу засуетились: слышался нервно-учтивый говорок моей хозяйки, который смешивался с мягкими переливами низкого мужского голоса. Но вот на лестничной площадке перед моей дверью послышались твердые и ровные шаги.

– Что за дьявольщина! – досадливо пробормотал я. – Прямо как моя своенравная удача! Сюда идет тот самый человек, от которого я хотел ускользнуть!

III

Дверь отворилась, и в окружающей меня мгле я различил силуэт стоявшего на пороге гостя. Я хорошо помню замечательное впечатление, которое произвели на меня тогда одни только очертания едва видимой фигуры. С первого взгляда меня так заморозила величественность его роста и осанки, что я не мог оторвать от него глаз и почти не слышал слов квартирной хозяйки:

– Этот джентльмен желает вас видеть, сэръ!

Впрочем, она тут же сбилась и что-то смущенно пробормотала, увидев, что комната моя совершенно темна.

– Ах, Боже мой! Должно быть, керосин весь вышел! – воскликнула она, а затем, обратившись к господину, которого сопровождала, добавила: – Боюсь, мистера Темпеста все-таки нет дома, сэръ, хотя я точно видела его около получаса назад. Если вы не против подождать здесь минутку, я принесу лампу и посмотрю, не оставил ли он записку на столе.

Она поспешно вышла. Я понимал, что пора что-то сказать, но странный и необъяснимый каприз заставлял меня молчать. Отчего-то мне совсем не хотелось объявлять о своем присутствии. Тогда высокий незнакомец шагнул вперед, и звучный голос не без насмешки окликнул меня по имени:

– Джеффри Темпест, вы здесь?

Почему я не ответил? Странное противоестественное упрямство связало мне язык, и я молчал, спрятавшись во мраке своей жалкой писательской норы. Меж тем величественная фигура приблизилась и, казалось, совсем затмила меня. Голос снова позвал:

– Джеффри Темпест, вы здесь?

Чувство стыда не позволило мне больше таиться, и решительным усилием воли я преодолел необъяснимое заклятие немоты, из-за которого я, словно трус, безмолвно прятался в укрытии. Я смело выступил вперед и предстал перед моим гостем.

– Да, я здесь. Прошу прощения за прием, который вам оказываю. Вы князь Риманес, я полагаю? Я только сейчас прочел ваше письмо и надеялся, что квартирная хозяйка, увидев темную комнату, решит, что я вышел, и проводит вас обратно вниз. Как видите, я с вами предельно откровенен!

– Да, действительно, – ответил незнакомец. В его низком, словно вибрирующем серебристым металлом голосе все еще чувствовалась насмешка. – Вы так откровенны, что вас невозможно не понять. Кратко и без экивоков вы дадите понять, что вам не по душе мое посещение и вы не хотели бы меня видеть!

Это прямое заявление о моем настроении прозвучало так резко, что я поспешил опровергнуть его, хотя сказанное им было правдой. Правда всегда кажется неприятной даже в мелочах!

– Пожалуйста, не сочтите меня грубияном, – сказал я. – Дело в том, что я прочел ваше письмо всего несколько минут назад, и, прежде чем я успел принять какие-либо меры, чтобы подготовиться к вашему визиту, внезапно погасла лампа. Это и привело к нынешней неловкой ситуации, когда я вынужден приветствовать вас в крошечной тьме, столь плотной, что мы даже не можем пожать друг другу руки.

– Попробуем? – предложил мой посетитель.

Тон его голоса внезапно смягчился, что придало его словам особое очарование.

– Вот моя рука, – продолжал он, – и если в вашей есть хоть немного дружеского инстинкта, то наши руки встретятся – вслепую и без всякого руководства!

Я тотчас протянул руку, и ее тут же пожала теплая и властная рука моего гостя. В этот момент комната осветилась: квартирная хозяйка принесла зажженную «лучшую лампу», как

она ее называла. Поставив лампу на стол, она увидела меня и удивленно вскрикнула. Впрочем, возможно, она что-то сказала, но я не слушал, настолько зачаровал меня вид человека, чья длинная тонкая рука все еще держала мою.

Мой рост выше среднего, но гость был выше меня на целых полголовы, если не больше, и, глядя на него, я думал, что никогда еще не встречал человека, в чьем облике было бы такое же сочетание изящества и ума. Красивой формы голова, какая может быть только у сильного и мудрого человека, а плечи подошли бы самому Гераклу. Лицо овальное, чистое и необычайно бледное, причем эта бледность подчеркивала почти огненный блеск больших темных глаз. Их взгляд – проникновенный и завораживающий – казался веселым и страдающим одновременно. Пожалуй, самой выразительной чертой этого замечательного лица был рот: идеальной красоты изгиб губ, придававший лицу выражение твердости и решительности. Рот был не слишком маленьким, ничего женственного. Я заметил, что когда губы оставались неподвижными, то его лицо выражало горечь, пренебрежение и даже жестокость. Но когда лицо освещалось улыбкой, на нем появлялось – или казалось, что появляется, – выражение более тонкое, чем может дать любое чувство, имеющее название на человеческом языке. И я мгновенно поймал себя на мысли: а что же это неуловимое выражение может значить?

С первого взгляда я уловил все эти главные черты внешности своего нового знакомого, необычайно располагающего к себе, и когда моя рука выскользнула из его крепкого пожатия, я уже чувствовал себя так, словно знал его всю жизнь! Стоя с ним лицом к лицу при ярком свете лампы, я опомнился, где в действительности нахожусь: в голой холодной комнате, с нерастопленным камином и засыпанным черной копотью полом без ковра. Я увидел свою ветхую одежду, в которой имел довольно жалкий вид – особенно по сравнению с этим величественным человеком, одетым в пальто, подбитое мехом русского соболя. Распахнув с небрежно-царственным видом это длинное пальто, он смотрел на меня с улыбкой.

– Я знаю, что явился в не самый удачный момент, – сказал он. – Со мной всегда так! Таково мое несчастливое свойство. Воспитанные люди никогда не вторгаются туда, где их не хотят видеть, и в этом отношении мои манеры, боюсь, оставляют желать лучшего. Простите меня, если сможете, хотя бы по этой причине.

Тут он протянул мне письмо, написанное знакомым почерком моего друга Каррингтона, и добавил:

– И позвольте мне присесть, пока вы читаете мои рекомендации.

Он подвинул стул и сел. Я с новым восхищением следил за его прекрасным лицом и изящными манерами.

– Никаких рекомендаций мне не требуется, – сказал я с той сердечностью, которую теперь действительно чувствовал. – Я уже получил от Каррингтона письмо, в котором он отзывается о вас в самых высоких и благодарных выражениях. Но в действительности... право, князь, простите меня, если я кажусь сконфуженным или ошеломленным... Я ожидал увидеть пожилого человека...

Я смешался и смолк под внимательным взглядом блестящих глаз, неотрывно смотревших в мои.

– В наше время никто не стар, мой дорогой сэръ! – объявил он небрежно. – Даже люди, достигшие шестого десятка, оказываются резвее, чем были в пятнадцать. В приличном обществе теперь вообще не говорят о возрасте: это невежливо и даже грубо. О неприличиях даже не упоминают, а ведь возраст стал неприличием, поэтому его и избегают в разговоре. Вы говорите, что ожидали увидеть старика? Что ж, не буду вас разуверять: я стар. На самом деле вы даже и представить себе не можете, сколько мне лет!

Я посмеялся над этой нелепицей.

– Да полно, вы моложе меня, – сказал я. – А если старше, то выглядите моложе.

– Ах, моя внешность мне изменяет! – ответил он весело. – Этим я похож на некоторых самых известных светских красавиц: на самом деле мне гораздо больше лет, чем кажется. Однако не отвлекайтесь, прочтите рекомендательное письмо, которое я вам принес. Я не успокоюсь, пока вы не сделаете этого.

Услышав эту просьбу, я, желая возместить свою резкость соразмерной ей учтивостью, тотчас развернул послание своего друга и прочитал следующее:

Дорогой Джефффри,

податель сего, князь Риманес, – выдающийся ученый и джентльмен благородного происхождения, принадлежащий к одному из старейших родов в Европе, а может быть, и во всем мире. Тебе как исследователю и любителю древней истории будет небезынтересно узнать, что его предки изначально были владельческими князьями Халдеи, осевшими затем в Тире, оттуда они впоследствии переместились в Этрурию, где пребывали несколько столетий. Последний отпрыск этого рода – человек талантливый до гениальности, которого я и имею удовольствие представить твоему благосклонному вниманию как своего доброго друга. Некие тягостные и непреодолимые обстоятельства вынудили его покинуть родные края и лишили значительной части владений, поэтому он – теперь в какой-то мере скиталец по свету – путешествовал в далеких краях, многое повидал и имеет большой опыт познания людей и разных вещей. Он весьма незаурядный поэт и музыкант, и, хотя занимается искусствами исключительно для собственного удовольствия, я полагаю, что ты найдешь его практические знания в области литературы чрезвычайно полезными для твоей непростой карьеры. Должен добавить, что он несомненный мастер во всех вопросах точных наук. Желаю, дорогой Джефффри, чтобы между вами завязалась сердечная дружба.

Искренне твой,

Джон Каррингтон

По всей видимости, на этот раз мой друг счел неуместной подпись «Боффлз», и меня это несколько раздосадовало. В письме чувствовалось что-то формальное и натянутое, словно его писали под диктовку и под давлением. Не знаю, что натолкнуло меня на эту мысль. Я взглянул украдкой на своего молчавшего визави. Он поймал мой мимолетный взгляд и посмотрел на меня в ответ на удивление серьезно и сосредоточенно. Опасаясь, как бы мимолетное смутное недоверие не отразилось в моих глазах, я поспешил заговорить:

– После прочтения этого письма, князь, я еще острее переживаю свой позор и еще сильнее сожалею о том, что столь грубо встретил вас. Никакие извинения не загладят этой грубости, но вы не представляете, как мне стыдно, что я вынужден принимать вас в этой жалкой норе. Мне хотелось бы приветствовать вас совсем в другом месте, но...

Почувствовав раздражение, я сам оборвал свою речь. Я вспомнил, что на самом деле я теперь богат, однако, несмотря на это, вынужден выглядеть бедным.

Князь отклонил мои извинения небрежным жестом.

– К чему унижаться? – спросил он. – Не лучше ли гордиться тем, что вы можете обходиться без вульгарных атрибутов роскоши. Гений процветает на чердаке и умирает во дворце, разве это не общепринятая идея?

– Полагаю, эта идея довольно заезженная и в то же время ошибочная, – ответил я. – Гению может захотеться хоть раз в жизни попробовать пожить во дворце, потому что обычно он испытывает чувство голода.

– Истинная правда! Однако подумайте, сколько дураков потом, умерев, он кормит! В этом есть воля премудрого Провидения, милостивый государь! Шуберт умер от нужды, но посмотрите, какую прибыль получают от его произведений нотные издатели! Это прекраснейший закон природы: честные люди должны быть принесены в жертву, чтобы обеспечить питание мошенников!

Он рассмеялся, а я взглянул на него несколько удивленно. Его замечание оказалось так близко моему собственному мнению, что я не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

– Вы, конечно, иронизируете? – спросил я. – На самом деле вы не верите в то, что говорите?

– О нет, верю! – ответил он, и его прекрасные глаза вспыхнули, как молнии. – Если бы я не верил тому, чему учит меня мой собственный опыт, то что мне оставалось бы делать? Я всегда помню о необходимости. Как гласит старая пословица, «когда правит Дьявол, правит необходимость». Никто не сможет назвать это выражение неверным. Дьявол правит миром с кнутом в руке и, как ни странно, – учитывая, что некоторые отсталые люди воображают, будто где-то существует Бог, – умудряется управлять своей командой с необычайной легкостью!

Лоб его нахмурился, горькие морщинки вокруг рта углубились, но князь тут же рассмеялся и сказал:

– Не будем морализировать, мораль отравляет душу всякого, кто находится и в церкви, и вне ее. Любой разумный человек терпеть не может, когда ему говорят, кем он *мог бы* стать и кем он *не станет*. Я явился, чтобы подружиться с вами, если позволите. И чтобы положить конец церемониям, не согласитесь ли вы проехать со мной в гостиницу? Я заказал там ужин.

К этому времени я был уже полностью очарован его непринужденностью, прекрасной внешностью и сладкозвучным голосом. Сатирический тон речей князя вторил моему настроению, и я чувствовал, что мы с ним поладим. Первоначальная досада оттого, что он застал меня в столь плачевных обстоятельствах, несколько поутихла.

– С удовольствием, – ответил я. – Но прежде позвольте мне немного разяснить суть происходящего. Вы много слышали обо мне от моего друга Джона Каррингтона, и из его личного письма ко мне следует, что вы пришли сюда, движимый исключительно доброжелательностью. Благодарю вас за это щедрое намерение! Я знаю, что вы ожидали увидеть несчастного литератора, борющегося с тягчайшими обстоятельствами – разочарованием и бедностью. Пару часов назад ваше ожидание вполне оправдалось бы. Но теперь все изменилось: я получил известие, которое совершенно меняет мое положение. Да, сегодня вечером я получил нечто удивительное и чрезвычайно важное...

– Надеюсь, известие было приятным? – учтиво спросил мой собеседник.

Я улыбнулся:

– Судите сами.

С этими словами я протянул ему письмо стряпчих, в котором сообщалось о внезапно обретенном богатстве.

Он быстро просмотрел его, сложил и вернул мне с учтивым поклоном.

– Полагаю, вас следует поздравить, – сказал он. – Поздравляю! Хотя это богатство, которое, похоже, кажется вам более чем достаточным, мне представляется сущим пустяком. Его можно с легкостью промотать лет за восемь или даже быстрее, и потому оно не гарантирует избавления от забот. По-моему, чтобы чувствовать себя действительно богатым, надо иметь около миллиона в год. Тогда есть надежда избежать работного дома!

Он рассмеялся, а я глядел на него в недоумении, не понимая, следует ли принимать его слова за правду или за пустое хвастовство. Пять миллионов – сущий пустяк?!

Мой собеседник тем временем продолжал, по-видимому не замечая моего изумления:

– Человеческая жадность, милостивый государь, никогда не насытится. Людей вечно снедает стремление то к одному, то к другому, и их вкусы, вообще говоря, весьма дороги. Напри-

мер, несколько хорошеньких и недобросовестных женщин быстро избавят вас от пяти миллионов: их можно потратить только на покупку драгоценностей. Скачки сделают это еще быстрее. Нет, вы не богаты, а все еще бедны, только нужды ваши стали менее насущными. И признаюсь, я несколько разочарован, ибо я пришел к вам в надежде хоть раз в жизни повернуть чью-нибудь судьбу к лучшему, сыграть роль приемного отца для восходящего гения, но меня, как всегда, опередили! Странно, но факт: всякий раз, когда у меня появляются особенные намерения по отношению к кому-либо, меня всегда кто-то опережает! Это действительно тяжело!

Он смолк и поднял голову, прислушиваясь.

– Что это? – спросил он.

Это был сосед-скрипач, исполнявший известную «Аве Мария».

Я сказал об этом.

– Уныло, очень уныло! – заметил он, презрительно пожав плечами. – Терпеть не могу всю эту слащавую религиозную чепуху. Итак, миллионер, каковым вы стали, и известный светский лев, каковым вы вскоре станете, надеюсь, не возражает против предложенного мной ужина? А потом мы могли бы посетить мюзик-холл, если захотим. Что скажете?

Он добродушно похлопал меня по плечу и посмотрел мне прямо в лицо. Ясный и властный взгляд его чудесных глаз, как будто полных слез и огня, зачаровал меня. Я не пытался сопротивляться пробудившейся во мне необычайной тяге к человеку, с которым я только что познакомился: ощущение было слишком сильным и слишком приятным, чтобы с ним бороться. Я колебался лишь мгновение – из-за своего потрепанного платья.

– Я не гожусь вам в спутники, князь, – сказал я. – С виду я скорее бродяга, чем миллионер.

Он оглядел меня и улыбнулся.

– Клянусь жизнью, так оно и есть! – воскликнул он. – Но будьте довольны тем, что есть! В этом отношении вы очень похожи на многих других Крезов. Одни лишь бедняки и гордецы заботятся о том, чтобы хорошо одеваться. Только они и легкомысленные кокетки беспокоятся о своем внешнем виде. Плохо сидящий фрак часто украшает фигуру премьер-министра. Но если вы увидите женщину, одетую в платье ужасного покроя и расцветки, то можете быть уверены, что она в высшей степени порядочна, известна добрыми делами и, вероятно, носит титул герцогини!

Князь встал и запахнулся в свое пальто с оторочкой из соболя.

– Кому какое дело до платья, если кошелек полон! – весело продолжал он. – Как только в газетах напечатают, что вы миллионер, какой-нибудь предприимчивый портной тут же pošьет плащ «Темпест» того же артистично-заплесневелого цвета, что и ваше нынешнее одеяние. А теперь пойдете! Известие от стряпчих должно было возбудить у вас хороший аппетит, иначе оно оказалось бы не так ценно. Мне очень хочется, чтобы вы оценили мой ужин. Я привез с собой повара, мастера своего дела. Кстати, не окажете ли вы мне небольшую услугу: позвольте мне побыть вашим банкиром до тех пор, пока не закончатся переговоры и не уладятся формальности?

Это предложение было сделано столь вежливо, деликатно и дружелюбно, что я не мог не принять его с благодарностью, так как оно избавляло меня от всех текущих затруднений. Я торопливо черкнул несколько строк квартирной хозяйке о том, что она получит причитающиеся ей деньги по почте на следующий день. Затем, сунув в карман единственное мое достояние – отвергнутую рукопись, погасил лампу и вместе с новообретенным другом навсегда покинул свое унылое жилище, желая поскорей забыть все, с ним связанное.

Я и не подозревал, что настанет день, когда я буду вспоминать время, проведенное в этой маленькой жалкой комнате, как лучший период моей жизни; когда буду смотреть на тогдашнюю горькую бедность испытанием строгого, но святого ангела, который вел меня к высочайшим и благороднейшим целям; когда буду отчаянно, с горькими слезами молиться о том, чтобы

вновь стать таким, как в прежние годы, а не таким, каков я теперь! Хорошо или дурно то, что будущее скрыто от нас? Стали бы мы увереннее избегать зла, если бы представляли его последствия? Этот вопрос не имеет ясного ответа, но в любом случае мое неведение в тот момент действительно являлось залогом блаженства. Я радостно покинул унылое пристанище, где провел столько дней среди разочарований и трудностей жизни, и повернулся к нему спиной с таким чувством облегчения, какое невозможно выразить словами. Последнее, что я услышал, проходя по улице с моим спутником, был жалобный, протяжный звук минорной мелодии, который, казалось, посылал мне вдогонку в качестве прощального оклика неведомый и невидимый скрипач.

IV

Снаружи ждала карета князя, запряженная двумя резвыми вороными в серебряной сбруе. Великолепные чистокровные кони нетерпеливо рыли землю копытами и грызли удила. Раздетый лакей, увидев хозяина, распахнул дверцу, почтительно прикоснувшись к своей шляпе. Мы сели – при этом я, повинувшись желанию моего спутника, занял место первым. Откинувшись на мягкие подушки, я ощутил столь сильное довольство собой, окружающей роскошью и доставшейся мне властью, что мне показалось, будто все невзгоды остались далеко позади. Голод и радость спорили за главенство в моей душе, и я пребывал в том легком и смутном состоянии, которое возникает после долгого голодания, когда ничто не кажется полностью осязаемым или реальным. Я понимал, что не смогу уяснить истину о своем чудесном везении, пока не будут удовлетворены мои физические потребности и я не вернусь снова, так сказать, в нормальное телесное состояние. Пока же в моем сознании был полный хаос, мысли были смутны и бессвязны, и мне казалось, что никак не кончается какой-то причудливый сон, от которого я должен вот-вот пробудиться. Коляска бесшумно катилась на резиновых колесах, слышен был только ровный, быстрый топот лошадиных копыт. Вскоре я различил в полумраке блестящие темные глаза моего нового друга, устремленные на меня с пристальным любопытством.

– Разве вы не чувствуете, что мир уже у ваших ног? – спросил он полушутя. – Как футбольный мяч, ожидающий, когда по нему ударят ногой? Этот нелепый мир так легко привести в движение. Мудрые люди во все времена старались сделать его менее смешным, но безрезультатно: он по-прежнему мудрости предпочитает глупость. Мир – это мяч или волан, готовый лететь куда и когда угодно, лишь бы ракетка была из золота!

– В ваших словах чувствуется горечь, князь, – сказал я. – Вам, вероятно, довелось повидать множество людей?

– О да! – кивнул он энергично. – Царство мое обширно.

– Так, значит, вы владетельная особа?! – воскликнул я в изумлении. – Ваш княжеский титул – не просто почетный?

– Нет, по законам вашей аристократии это всего лишь почетный титул, – ответил он. – А когда я говорю, что царство мое обширно, то имею в виду, что я правлю там, где люди подчиняются влиянию богатства. Если встать на эту точку зрения, разве нельзя сказать: царство мое велико? Или даже почти безгранично?

– Вы говорите как циник, – заметил я. – Но, разумеется, вы не будете утверждать, что за деньги можно купить, например, честь и добродетель?

Он оглядел меня с причудливой улыбкой.

– Я полагаю, что честь и добродетель действительно существуют, – ответил он. – И если они истинные, то их, разумеется, нельзя купить. Но жизнь научила меня, что купить можно все и всегда. Чувства, называемые большинством людей честью и добродетелью, – это самые изменчивые вещи на свете. Выложите достаточную сумму – и они в мгновение ока превратятся во взяточничество и лихоимство! Любопытно, очень любопытно. Признаюсь, однажды я столкнулся с неподкупной честностью, но это было всего лишь раз. Можно попытаться найти нечто подобное вновь, но шансы кажутся мне весьма сомнительными. Что касается моей особы, то, пожалуйста, не воображайте, будто я разыгрываю вас или присваиваю себе чужой титул. Я самый настоящий князь, поверьте мне, и такого происхождения, каким не может похвастаться ни один из ваших древнейших родов. Однако владения мои давно распались, а прежние подданные рассеяны среди всех народов; анархия, нигилизм, разруха и политические неприятности вообще заставляют меня быть довольно сдержанным. К счастью, денег у меня предостаточно, и они помогают мне во всем. Когда-нибудь, когда мы познакомимся получше, вы узнаете обо мне больше. Кроме того, у меня на визитной карточке значатся еще разные имена

и титулы, но я предпочитаю самые простые из них, потому что большинству людей непросто произносить иностранные имена собственные. Близкие друзья обычно зовут меня не по титулу, а просто Луцио.

– Значит, вас окрестили... – начал я.

– Нет-нет! – с гневом прервал он меня. – У меня нет крестильного имени! И не ищите во мне ничего христианского!

Он произнес это так категорично, что в первое мгновение я потерялся и не знал, что ответить. После паузы я смог только невнятно пробормотать:

– Вот как...

Он расхохотался:

– «Вот как» – все, что вы можете сказать? Да, и еще раз да! Слово «христианин» меня раздражает. Нет такого существа среди живущих. И вы не христианин: на самом деле никто не христианин. Люди притворяются, и в этом гнусном притворстве больше богохульства, чем у какого-нибудь падшего ангела! Но я не притворяюсь, как они. У меня только одна вера...

– И в чем она состоит?

– О, это глубокая и ужасная вера! – произнес он проникновенно. – И хуже всего, что это правда, – такая же правда, как устройство Вселенной. Но поговорим об этом после! Об этом стоит поговорить, когда мы почувствуем себя подавленными и захотим услышать о вещах мрачных и ужасных. Сейчас же мы почти у цели. Главная забота в нашей жизни (а она главная в жизни большинства) – это поллучше поесть.

Карета остановилась, и мы вышли. Завидев вороных в серебряной сбруе, к нам бросился швейцар и еще несколько гостиничных слуг. Однако князь прошел мимо них в вестибюль, словно не заметив, и обратился к солидного вида человеку в черном – своему личному камердинеру, который вышел ему навстречу с глубоким поклоном. Я пробормотал что-то о желании снять номер в отеле.

– Не беспокойтесь, мой человек позаботится об этом, – сказал князь небрежно. – Гостилица пуста. Во всяком случае, лучшие номера не заняты, а ведь вы, разумеется, хотите один из лучших.

Слуга, с показным презрением, который обычно выказывают наглые лакеи к беднякам, не отрывавший взгляда от моего ветхого платья, услышал эти слова, и насмешливое выражение его лисьей мордочки разом изменилось. Он подобострастно поклонился, когда я проходил мимо. Меня передернуло от отвращения, смешанного с каким-то злым торжеством.

Я знал, что лицемерная гримаса этого низкого лакея в полной мере выразила то, что мне предстояло увидеть в жестах и поведении людей, принадлежащих к «хорошему обществу». Ибо там оценка человеческих достоинств – та же, что у обыкновенного слуги, и все решают исключительно деньги. Если ты беден и убого одет, тебя подвергнут остракизму и перестанут замечать. Но если ты богат, то можешь носить сколь угодно убогое платье, люди все равно будут искать твоего внимания, льстить и повсюду приглашать, даже если ты величайший глупец или наихудший мерзавец из числа тех, кого еще не повесили.

С такими смутными мыслями я проследовал за хозяином в его апартаменты. Он занимал почти целое крыло отеля – следовавшие друг за другом большую гостиную, столовую и кабинет. Все они были обставлены самым роскошным образом. Кроме того, в его распоряжении находились спальня, ванная и гардеробная, к которым примыкали другие комнаты, предназначенные для камердинера и еще двух слуг. Стол был накрыт к ужину и сверкал драгоценной посудой – хрусталем, серебром и фарфором, а также был украшен корзинами с самыми изысканными фруктами и цветами. Через несколько минут мы сели за него.

Княжеский камердинер исполнял обязанности метрдотеля, и я заметил, что теперь, при свете электрических ламп, лицо этого человека казалось очень темным и имело неприятное и даже зловещее выражение. Однако, прислуживая, он был безупречен: скор, внимателен

и почтителен, так что я мысленно упрекнул себя за инстинктивную неприязнь к нему. Его звали Амиэль, и я поймал себя на том, что невольно наблюдаю за его движениями, настолько они были бесшумны: даже его шаги напоминали крадущееся скольжение кошки или тигра. Ему ассистировали два помощника, находившиеся в его подчинении и столь же подвижные и хорошо обученные.

Вскоре я уже наслаждался великолепной едой и пил вино, о котором знатоки могут только мечтать, но никогда так и не попробуют. Я почувствовал себя совершенно непринужденно, говорил свободно и уверенно, и та тяга, которую я испытывал к своему новому другу, усиливалась с каждой минутой, проведенной в его обществе.

– Продолжите ли вы свою литературную деятельность теперь, когда у вас появилось это небольшое состояние? – спросил он в конце ужина, когда Амиэль, поставив перед нами прекрасный коньяк и сигары, почтительно удалился. – И стоит ли ее продолжать?

– Разумеется, стоит, – ответил я, – хотя бы ради забавы. Видите ли, деньги помогут мне добиться известности, независимо от мнения читающей публики. Ни одна газета не откажется от платной рекламы.

– Совершенно верно! Но разве вдохновение не покидает того, у кого кошелек полон, а голова пуста?

Это замечание меня сильно задело.

– Так вы считаете меня пустоголовым? – спросил я обиженно.

– Не спешите, мой дорогой Темпест. Не позволяйте токайскому, которое мы пили, или коньяку, который мы собираемся пить, столь поспешно отвечать за вас! Поверьте, я вовсе не считаю вас пустоголовым. Напротив, ваша голова, судя по тому, что я слышал, полна идей – превосходных, незаурядных идей, которые все эти критики-рутинеры и знать не желают. Но будут ли эти идеи по-прежнему возникать в вашем уме, после того как ваш кошелек стал полон, – вот в чем вопрос. Как ни странно, оригинальность и вдохновение редко оказываются уделом миллионера. Вдохновение, как считается, приходит свыше, ну а деньги – проза жизни! В вашем случае, однако, и оригинальность, и вдохновение могут расцвести и далее, принося совместные плоды, я в этом уверен. Однако часто бывает так, что, когда деньги сыплются к ногам подающего надежды гения, Бог отступает, а Дьявол выходит на сцену. Разве вы никогда не слышали такую поговорку?

– Никогда, – ответил я с улыбкой.

– Ну что ж, разумеется, поговорка дурацкая и звучит тем более нелепо в наш век, когда люди не верят ни в Бога, ни в черта. Однако она указывает, что человек должен выбирать путь вверх или вниз. Гений устремлен вверх, а деньги тянут вниз. Нельзя одновременно парить и пресмыкаться.

– Богатство вовсе не вынуждает человека пресмыкаться, – возразил я. – Как раз деньги – это то, что необходимо для укрепления способности парить. Они поднимают на невиданные высоты.

– Вы полагаете?

Князь зажег сигару с весьма мрачным и озабоченным видом.

– В таком случае, – продолжал он, – я думаю, что вам очень мало известно из той области, которую я назвал бы естественной физикой. Земное влечет к земле, – вы ведь понимаете это? Золото – вещь в высшей степени земная, его ведь добывают из почвы. Далее его отливают в слитки – и это весьма осязаемый металл. Что касается гения, то никто не знает, к какой стихии он принадлежит. Его нельзя извлечь из земли или передать другому. С ним ничего нельзя сделать, им можно только восхищаться. Это редкий гость, он переменчив, как ветер, и, подобно ветру, может смести все принятые в обществе условности. Он, как я уже сказал, принадлежит к явлениям высшего порядка, не имеющим земного запаха и вкуса. И те, кто обладает даром

гениальности, обитают на неизведанных высотах. Что касается денег, то это вполне земное явление. Когда у вас появляется много денег, вы спускаетесь с небес на землю и там остаетесь.

Я рассмеялся:

– Честное слово, вы на редкость красноречиво ратуете против богатства. Но сами-то вы необычайно богаты. И вы об этом сожалеете?

– Нет, совсем не сожалею, потому что от сожаления не было бы никакого проку, – парировал он. – А я никогда не теряю времени даром. Но то, что я вам говорю, – истина. Гений и богатство несовместимы. Возьмем в качестве примера меня. Вы и представить себе не можете, какими способностями я обладал некогда... давно... пока не стал господином самому себе.

– Я уверен, что эти способности остались у вас до сих пор, – горячо заверил я своего собеседника, любуясь его благородным лицом и прекрасными глазами.

Странная едва заметная улыбка, которую я уже замечал раньше, осветила его лицо.

– Похоже, вы решили мне польстить! Вам нравится, как я выгляжу? Что ж, моя внешность нравится многим. Но ведь нет ничего обманчивее внешности. А все дело в том, что люди, едва выйдя из детского возраста, начинают притворяться не теми, кем они являются. Упражняясь в этом с юности, мы обучаемся полностью скрывать наши физические оболочки от себя самих. И это поистине мудро с нашей стороны: ведь каждый человек оказывается чем-то вроде брони из плоти, сквозь которую ничего не увидит ни друг, ни враг. Каждый из людей – одинокая душа, находящаяся в заточение. Когда человек совсем один, он понимает и часто ненавидит самого себя. Иногда он даже боится того изможденного жизнью кровожадного чудовища, которое прячется за милой маской – обличьем. Тогда человек спешит забыть ужас существования в пьянстве и разврате. Иногда так поступаю и я. А вы, должно быть, и не подумали бы обо мне ничего подобного?

– Нет, никогда! – воскликнул я, чувствуя что-то странно трогательное в его голосе и выражении лица. – Вы либо клеветеете на себя, либо заблуждаетесь, не понимая собственной природы.

Он тихо засмеялся и небрежно бросил:

– Может быть, и так! Из того, что обо мне говорят, верно только то, что я не хуже большинства людей! Но давайте вернемся к вашей литературной карьере. Так, значит, вы написали книгу? Издайте же ее, и давайте посмотрим, что получится! Если вы хоть раз добьетесь успеха, это будет уже кое-что. Имеются способы устроить все так, чтобы к вам пришло признание. О чем вы написали? Надеюсь, это неприличная история?

– Разумеется, нет! – запротестовал я. – Это повесть о самых благородных жизненных устремлениях и высочайших человеческих упованиях! Я писал ее с намерением возвысить и очистить мысли читателей и по возможности утешить тех, кто понес утрату или оказался в беде...

Риманес сострадательно улыбнулся.

– Увы, так дело не пойдет! – перебил он. – Уверю вас, так успеха не добьешься. Ваша повесть противоречит духу времени. Вероятно, все можно было бы исправить, если бы вы предоставили критикам, так сказать, «право первой ночи» на нее, как поступил один мой близкий друг, Генри Ирвинг. Да, «право первой ночи» в сочетании с отличным ужином и бесчисленным количеством превосходных напитков. В противном случае издавать ее не имеет смысла. Чтобы книга достигла успеха сама по себе, не нужно пытаться создать шедевр литературы: она должна быть просто непристойной. Непристойной в меру, без оскорблений в адрес передовых женщин. При таком подходе границы дозволенного довольно широки. Пишите как можно больше о вопросах пола, о рождении детей, – одним словом, рассуждайте о мужчинах и женщинах просто как о животных, которые существуют только ради размножения, и вас ждет феноменальный успех. Нет на свете ни одного критика, который не будет вам аплодировать, нет

пятнадцатилетней школьницы, которая не будет жадно читать написанные вами страницы в тишине своей девственной спальни!

Это было сказано с такой испепеляющей насмешкой, что я вздрогнул и не нашелся что ответить. Между тем князь продолжал:

– Что взбрело вам в голову, мой дорогой Темпест, написать книгу, как вы выразились, «о благородных жизненных устремлениях»? На этой планете нет больше ничего благородного, осталось лишь низкое и продажное. Человек – пигмей, и цели его столь же ничтожны, как и он сам. Для благородства надо искать другие миры. И они существуют! Примите во внимание и то, что люди читают романы для развлечения, а вовсе не для того, чтобы их мысли возвышались или очищались: с этой целью они приходят в церковь и там предаются скуке. И к чему вам утешать людей: они ведь, как правило, попадают в беду по собственной глупости. Они бы и не подумали вас утешать, да что там – не дали бы и шести пенсов, чтобы спасти вас от голодной смерти. Друг мой, оставьте донкихотство там же, где оставили нищету. Живите для себя самого. Если вы сделаете что-нибудь для других, то получите в ответ самую черную неблагодарность. Послушайтесь моего совета и не жертвуйте личными интересами ни для чего на свете.

Он поднялся из-за стола и уже говорил, стоя спиной к пылающему камину и спокойно покуривая сигару. А я смотрел на его прекрасную фигуру и лицо, терзаясь мучительными сомнениями, омраченными восхищением.

– Если бы вы не были столь прекрасны собой, я назвал бы вас бессердечным, – сказал я наконец. – Но ваши черты никак не соответствуют тому, что вы говорите. На самом деле в вас нет того безразличия к человеческой природе, которое вы пытаетесь продемонстрировать. Весь ваш вид свидетельствует о душевной щедрости, которую вы не способны победить, даже если захотите. Кроме того, разве вы не пытаетесь всегда делать добро?

Он улыбнулся:

– Всегда! Так и есть, я всегда стараюсь удовлетворить желания человека. А хорошо это или плохо, еще предстоит доказать. Человеческие желания почти безграничны, и единственное, чего никто никогда не желает, – это прекратить со мной знакомство!

– Разумеется, нет! Да разве это возможно для того, кто вас повстречал? – отвечал я.

Само предположение показалось мне столь нелепым, что я рассмеялся.

Мой собеседник посмотрел на меня искоса своим загадочным взглядом.

– Желания людей не всегда добродетельны, – заметил он и отвернулся, чтобы стряхнуть пепел сигары в камин.

– Но вы ведь не потворствуете их порокам? – возразил я, все еще продолжая смеяться. – Это означало бы заиграться, исполняя роль благодетеля!

– Нам, наверное, не стоит продолжать, а то мы забредем в зыбучие пески теории, – ответил князь. – Вы забываете, дорогой друг, что никто не способен определить, что такое порок и что – добродетель. Эти понятия похожи на хамелеонов и в разных странах принимают разные цвета. У Авраама было две или три жены и несколько наложниц, но, как гласит священное предание, он был добродетельнейшим из людей. А у лорда Том-Нодди в современном Лондоне всего одна жена и несколько наложниц, и он весьма похож на Авраама в некоторых других отношениях, но все же его считают ужасным человеком. «Кто принимает решение, когда врачи расходятся во мнениях?» – давайте оставим этот вопрос, мы никогда не решим его. Итак, как нам провести остаток дня? В «Тиволи» выступает одна пышнотелая и хитрая девица. Своими танцами она завоевала расположение дряхлого старичка-герцога. Не взглянуть ли нам на восхитительные изгибы, с помощью которых она добивается прочного положения среди английской аристократии? Или вы устали и предпочтете пораньше лечь спать?

По правде говоря, я был ужасно утомлен, умственно и физически, и измучен волнениями дня. Кроме того, голова моя отяжелела от вина, привычку к которому я давно потерял.

– Честно говоря, я предпочел бы лечь в постель... – признался я. – Но как насчет моего номера?

– О, Амиэль об этом позаботится. Сейчас мы его спросим.

Он коснулся кнопки звонка, и слуга мгновенно явился.

– Готов ли номер для мистера Темпеста?

– Да, ваше сиятельство. Апартаменты в этом коридоре почти напротив ваших. Они не так хорошо обставлены, как было бы возможно, но я сделал их максимально удобными, чтобы провести ночь.

– Большое спасибо, очень вам обязан! – сказал я.

Амиэль почтительно поклонился:

– Благодарю вас, сэр.

Он удалился, а я подошел к хозяину, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Он пожал мою протянутую руку и некоторое время удерживал ее в своей, глядя на меня с любопытством.

– Вы нравитесь мне, Джеффри Темпест, – сказал он. – В вас есть задатки чего-то возвышающего вас над обычными земными существами. И я собираюсь сделать вам довольно странное предложение. Вот оно: если я вам не нравлюсь, скажите об этом немедленно, и мы тотчас расстанемся, не успев узнать друг друга, и, если пожелаете, никогда больше не встретимся. Но если, напротив, я вам нравлюсь и вы находите в моем эмоциональном и умственном складе нечто сообразное вашему характеру, то пообещайте, что станете мне другом и товарищем на некоторое время – скажем, на несколько месяцев. Я могу ввести вас в лучшее общество и познакомить с самыми красивыми женщинами и с самыми блестящими мужчинами Европы. Я знаком со всеми ними и полагаю, что смогу быть вам полезен. Но если в глубине вашей природы таится хоть малейшее отвращение ко мне, – тут он сделал паузу, а затем продолжил необычайно торжественно, – то ради Бога, дайте этому отвращению излиться в полной мере и позвольте мне уйти. Ибо, клянусь вам со всей серьезностью: я не тот, кем кажусь!

Потрясенный странным видом и манерой речи своего нового знакомого, я какое-то время оставался в нерешительности. От этого момента – о, если бы я только мог знать! – зависело мое будущее. Князь был прав: я чувствовал легкое недоверие и даже отвращение к этому обаятельному, но циничному человеку, и он, похоже, это угадал. Но все подозрения вылетели из моей головы, и я с новой сердечностью пожал ему руку.

– Дорогой мой, ваше предупреждение запоздало! – весело ответил я. – Кем бы вы ни были и кем бы себя ни считали, ваш характер подходит мне как нельзя лучше, и я считаю, что мне очень повезло познакомиться с вами. Старина Каррингтон чрезвычайно удружил мне, сведя нас вместе, и уверяю вас, что буду гордиться вашим обществом. Вы, кажется, получаете странное удовольствие, столь пренебрежительно отзываясь о самом себе! Но старая поговорка гласит: «Не так страшен черт, как его малюют»...

– Истинная правда! – заметил он тихо и задумчиво. – Бедняга черт! Его недостатки, без сомнения, сильно преувеличены духовенством! Значит, нам суждено стать друзьями?

– Надеюсь! Во всяком случае, я не нарушу наше соглашение первым!

Его темные глаза задумчиво смотрели на меня, но и в них, казалось, таилась улыбка.

– Соглашение – хорошее слово, – сказал он. – Будем считать случившееся соглашением. Я собирался помочь вам материально, но теперь вы можете обойтись без этого. Однако полагаю, что все еще могу быть вам полезен тем, что введу вас в общество. И любовь... Вы, разумеется, влюбитесь. Или уже влюблены?

Я ответил честно:

– Нет! Я пока не встретил женщину, которая полностью соответствовала бы моим представлениям о красоте.

Он расхохотался:

– Честное слово, вы не лишены смелости! Так вам подойдет только совершенная красота? Но подумайте, друг мой, ведь сами вы мужчина красивый, хорошо сложенный, но все-таки не вполне Аполлон!

– Это не важно, – возразил я. – Мужчина должен тщательно выбирать жену, преследуя только цели собственного удовлетворения, – точно так же, как выбирают лошадей или вино: совершенство или ничего.

– А женщина? – спросил Риманес с блеском в глазах.

– Женщина на самом деле не имеет права выбора.

Это был мой любимый тезис, и я с удовольствием принялся его развивать:

– Она должна следовать за любым, кто может дать ей надлежащее содержание. Мужчина всегда остается мужчиной, а женщина – лишь его придаток, и без красоты она не может рассчитывать на его восхищение и материальную поддержку.

– Как верно! Как правильно и логично аргументировано! – воскликнул он, сразу став необыкновенно серьезным. – Я тоже не разделяю новомодных представлений о женском интеллекте. Жена – просто пара для мужчины, у нее нет настоящей души, кроме отражения мужской. Женщина лишена логики и не способна ни о чем верно судить. Весь религиозный обман держится на этом чуждом математике истерическом существе. И если принять во внимание, как низко она стоит, то диву даешься, как она сумела натворить в мире столько зла: расстривала планы мудрейших государей и их советников – мужчин, которым было суждено свыше господствовать над ней! А в наше время она становится неуправляемой в большей степени, чем когда-либо.

– Это всего лишь скоропреходящее поветрие, – небрежно отозвался я. – Неуправляемость – причуда, придуманная несколькими непривлекательными и никем не любимыми особами женского пола. Я очень мало забочусь о женщинах и вряд ли когда-либо женюсь.

– Что ж, у вас достаточно времени, чтобы подумать и поразвлечься с красотками, *en passant*³, – сказал он, пристально глядя на меня. – А пока, если хотите, могу провести вас по брачным рынкам мира. Хотя самый крупный из них – это, конечно же, здешняя столица. Великолепные сделки предстоят вам, мой дорогой друг! Лучшие экземпляры блондинок и брюнеток стоят здесь очень дешево. Мы оценим их на досуге. Я рад, что вы сами решили, что мы станем товарищами. Я горд, я бы даже сказал – чертовски горд и никогда не остаюсь в компании человека, если он выразил хоть малейшее желание от меня избавиться. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – ответил я.

Мы снова пожали друг другу руки, и еще не успели их разнять, как вдруг яркая вспышка молнии озарила комнату – и сразу грянул ужасающий гром. Электричество погасло, и лишь отблески огня в камине освещали наши лица. Я был немного напуган, а князь оставался совершенно невозмутим. Глаза его блестели в темноте, как у кошки.

– Какая буря! – заметил он. – Зимой такие раскаты довольно необычны. Амизель!

Вошел камердинер. Его зловещее лицо походило на выступавшую из мрака белую маску.

– Лампы погасли, – сказал хозяин. – Как странно, что цивилизация до сих пор не научилась полностью управлять электрическим светом. Ты можешь привести их в порядок, Амизель?

– Да, ваша светлость.

Всего через несколько мгновений с помощью ловких и непонятных мне манипуляций он сделал так, что хрустальный плафон засиял по-новому. Над нашими головами снова прогремел раскат грома, а затем хлынул ливень.

– Поистине удивительная погода для января, – сказал князь Риманес, снова протягивая мне руку. – Спокойной ночи, мой друг! Спите спокойно.

– Если позволит гнев стихии! – ответил я с улыбкой.

---

³ Между делом (*фр.*).

– Не придавайте такого значения стихиям. Человек почти приручил их или скоро приручит – теперь, когда он постепенно убеждается в том, что нет никакого Божества, способного вмешаться в его дела. Амиэль, проводи мистера Темпеста в его комнату.

Амиэль повинился, и мы, перейдя коридор, вошли в большую роскошную комнату, богато обставленную и освещенную пламенем яркого камина. Меня сразу охватило утешительное тепло, и я, не знавший такой роскоши со времен отрочества, ликовал от внезапного и необычайного счастья.

Амиэль почтительно ждал, время от времени украдкой поглядывая на меня с выражением, в котором, казалось, было что-то насмешливое.

– Вам что-нибудь еще нужно, сэр? – спросил он.

– Нет, спасибо, – отвечал я, стараясь говорить небрежно и снисходительно, потому что чувствовал: этому человеку нужно сразу указать его место. – Вы были очень внимательны, я этого не забуду.

Он чуть заметно улыбнулся:

– Премного вам обязан, сэр. Спокойной ночи!

И он удалился, оставив меня в одиночестве. Я принялся шагать взад и вперед по комнате – скорее машинально, чем осознанно. Мне хотелось осмыслить события этого удивительного дня, но мозг все еще не мог это сделать, и единственным действительно заметным образом в моем сознании оставалась яркая и незаурядная личность моего нового друга князя Риманеса. Его необыкновенная красота, привлекательные манеры, непонятный цинизм, странно сочетавшийся с каким-то куда более глубоким чувством, которому я не мог подобрать названия, – все мелкие, но необычные черточки его облика и нрава преследовали меня и словно бы смешались воедино со мной самим и всеми моими обстоятельствами. Я разделся у камина, полусонно прислушиваясь к дождю и раскатам грома, уже затихавшим приглушенными отголосками.

– Джеффри Темпест, весь мир перед тобою, – лениво сказал я сам себе. – Ты молод, здоров, красив и умен, и вдобавок ко всему этому у тебя имеется пять миллионов фунтов и друг в лице богатого князя. Чего еще тебе нужно от Судьбы или Фортуны? Ничего... кроме славы! Но этого легко добиться, ведь в наши дни купить можно даже славу – как и любовь. Твоя звезда восходит! Довольно литературной поденщины, мой мальчик! Наслаждения, доход и легкая жизнь – все это в твоём распоряжении до конца жизни. Ты счастливчик, и твой день наконец-то настал!

Я бросился на мягкую постель и стал погружаться в сон. Засыпая, я все еще слышал вдалеке тяжелые раскаты грома. Мне даже почудился голос князя.

– Амиэль! Амиэль! – призывал он диким голосом, похожим на сердитый вой ветра.

В какой-то момент я резко пробудился от глубокого сна, потому что мне показалось, будто кто-то подошел близко и пристально смотрит на меня.

Я сел в постели, вглядываясь в темноту, так как камин погас. Затем включил стоявший рядом электрический ночник. Он осветил всю комнату – в ней никого не было. Но я не мог уснуть: воображение продолжало разыгрывать со мной шутки, и мне чудилось, будто кто-то произносит свистящим шепотом:

– Тише! Не беспокойте его! Пусть глупец спит в своем безумии!

V

Встав поутру, я узнал, что «его светлость», как титуловали князя Риманеса его лакеи и служащие «Гранд-отеля», уехал кататься верхом в парке, оставив меня завтракать в одиночестве. Я поел в общем зале отеля, где мне прислуживали с величайшей подобострастностью, несмотря на ветхую одежду, которую я все еще был вынужден носить, так как у меня не было мелких денег.

– Когда прикажете подавать обед?

– В котором часу желаете поужинать?

– Сохранить ли за вами номер или же он вас не устроил?

– Может быть, вы предпочли бы такие же апартаменты, какие изволят занимать его светлость?

Сначала эти почтительные вопросы меня изумляли, потом стали забавлять. Должно быть, некое загадочное агентство уже распространило слухи о моем богатстве и эти люди с готовностью в них поверили – вот и первый результат.

Я ответил, что покамест остаюсь в нерешимости и смогу дать точные указания лишь через несколько часов, пока же пусть сохраняют занимаемый номер за мной. Позавтракав, я решил отправиться к своим стряпчим и хотел было заказать карету, как вдруг увидел, что мой новый друг возвращается с прогулки. Он восседал на великолепной гнедой кобыле, ее дикие глаза и напряженно, с дрожью ступавшие ноги свидетельствовали о том, что она разгорячилась после стремительного галопа и еще не свыклась с твердой рукой всадника. Лошадь гарцевала и танцевала между повозками и кебами, и это было бы опасно, если бы всадником не был Риманес. Днем он выглядел еще лучше, чем накануне вечером, благодаря легкому румянцу, оттенившему естественную бледность его лица. Глаза его искрились после моциона и полученного удовольствия. Я ждал его приближения вместе с Амиэлем: камердинер, как обычно, точно рассчитал время появления хозяина и в нужный момент появился в вестибюле отеля. Увидев меня, Риманес улыбнулся и в знак приветствия коснулся ручкой хлыста полей шляпы.

– Вы заспались, Темпест, – сказал он, спешившись и бросив поводья сопровождавшему его груму. – Завтра вы должны поехать со мной и присоединиться к обществу, которое на местном модном жаргоне именуют «Печеночной бригадой». Прежде упоминать о «печени» или любом другом внутреннем органе считалось верхом бестактности и признаком дурного воспитания. Теперь же мы покончили с подобными предрассудками и находим особое удовольствие в рассуждениях о болезнях и вообще на тему неприятных медицинских вопросов. Став членом «Печеночной бригады», вы познакомитесь разом со всеми интересными господами, продавшими души Дьяволу ради египетских котлов с мясом. Эти люди обжираются так, что чуть не лопаются, а потом гордо гарцуют на отличных лошадях – животных, достойных носить менее скотскую ношу. Гарцуют они в надежде вывести из своей отравленной крови все зло, которое сами же в нее и влили. Они принимают меня за своего, хотя я вовсе не таков.

Риманес похлопал по шее свою кобылу, и грум увел ее прочь: было видно, как на лоснящейся груди и передних ногах животного все еще блестела пена от быстрой скачки.

– Зачем же вы тогда участвуете в их развлечениях? – спросил я со смехом, поглядывая на него с нескрываемой симпатией; никогда он не казался мне так восхитительно сложенным, как в этом на диво сшитом костюме для верховой езды. – Вы морочите им головы!

– Ну да, так и есть! – легко согласился он. – И знаете ли, я не один такой в Лондоне! А куда вы направлялись?

– К стряпчим, которые написали мне вчера вечером. Фирма «Бентам и Эллис». Чем быстрее я ними встречусь, тем лучше, как вы думаете?

– Да, но послушайте, – и он отвел меня в сторону, – вам нужны наличные. Нехорошо сразу просить аванс. И право, незачем объяснять этим законникам, что вы были на грани голодной смерти, когда пришло их письмо. Возьмите этот бумажник. Вы ведь помните свое обещание: позволить мне быть вашим банкиром? По пути вы могли бы зайти к какому-нибудь известному портному и одеться как следует. Та-та!

С этими словами он двинулся прочь быстрым шагом. Я поспешил за ним, тронутый его добротой:

– Но послушайте, Лусио!

Я впервые назвал его по имени, столь мне знакомому. Он замер и откликнулся, глядя на меня с внимательной улыбкой:

– Да?

– Вы не дали мне сказать... – начал я негромко, потому что мы стояли в вестибюле отеля. – Дело в том, что у меня есть деньги, вернее, я могу получить их напрямую. Каррингтон прислал мне в письме чек на пятьдесят фунтов, а я забыл вам об этом сказать. С его стороны было очень любезно дать мне взаймы. Пусть этот чек послужит залогом за бумажник. А кстати, сколько в нем?

– Пятьсот, десятками и двадцатками, – ответил он с деловитой краткостью.

– Пятьсот! Дорогой друг, но мне не нужно столько. Это слишком много!

Он рассмеялся:

– В наши дни лучше иметь слишком много, чем слишком мало. Мой дорогой Темпест, не делайте из мухи слона. Пятьсот фунтов – это же на самом деле ничто. Такие деньги можно потратить, например, на туалетный столик. Лучше отошлите чек обратно Джону Каррингтону. Я не слишком ценю его щедрость: за несколько дней до того, как я покинул Австралию, он наткнулся на жилу стоимостью в сто тысяч фунтов.

Это известие удивило меня и, должен признаться, слегка огорчило. Прямой и великодушный характер старины Боффлза сразу много потерял в моих глазах. Отчего же он ничего не написал о своей удаче в том письме? Боялся, что я стану беспокоить его просьбами о новых займах? По-видимому, мой взгляд отражал проносившиеся в голове мысли, потому что внимательно наблюдавший за мной Риманес спросил:

– Разве он не сказал вам об этой находке? Не слишком дружелюбно с его стороны. Что ж, как я уже говорил вчера вечером, деньги часто портят человека.

– О, я полагаю, что он умолчал об этом без всякой задней мысли, – поспешил я ответить с искусственной улыбкой. – Без сомнения, он все разъяснит в следующем письме. Теперь что касается этих пятисот фунтов...

– Оставьте их себе, дружище, оставьте! – нетерпеливо перебил князь. – Что вы там говорили о залогах? Разве я *вас* не взял себе в качестве залога?

Я рассмеялся:

– Да, и теперь я вполне самообеспечен. И хотя я заложник, бежать не собираюсь.

– Бежать? От меня? – спросил он вдруг странным, отчасти холодным, отчасти добродушным тоном. – Ну это вряд ли!

Князь помахал мне рукой и удалился. Я же, сунув кожаный бумажник с банкнотами во внутренний нагрудный карман, подозвал экипаж и помчался в направлении Бейсингхолл-стрит, где меня ждали стряпчие.

Прибыв к месту назначения, я предоставил визитную карточку, и меня тотчас же почтительно встретили два маленьких человечка в черно-рыжих сюртуках – владельцы фирмы. Открыв бумажник Лусио, я попросил их разменять банкноту в десять фунтов на золото и серебро, что они и сделали с готовностью. Потом мы вместе принялись за дела. Покойный родственник, которого я никогда не видел в сознательном возрасте, но который помнил меня осиротевшим младенцем на руках кормилицы, завещал мне все, чем владел, в том числе несколько

редких коллекций: картины, драгоценности и разные диковинки. Завещание было сформулировано столь кратко и ясно, что не оставляло ни малейших возможностей для каких-либо юридических придирок. Стряпчие объявили, что через неделю, самое большее через десять дней все формальности будут улажены и наследство окажется в моем полном распоряжении.

– Вы удачливый человек, мистер Темпест, – сказал старший компаньон мистер Бентам, складывая последние бумаги, которые мы просматривали. – В вашем возрасте получить столь королевское состояние – это либо великое благо, либо ужасное проклятие, заранее не скажешь. Однако такое богатство предполагает большую ответственность.

Это было очень забавно: простой слуга закона осмеливается читать мне мораль по поводу моей удачи.

– Многие с радостью взяли бы на себя такие обязанности и поменялись со мной местами, – сказал я с легкомысленным видом. – Вот вы, например, не хотели бы?

Такое замечание было дурным тоном, но я сделал его умышленно, полагая, что этому господину не к лицу проповедовать мне об обязанностях богачей. Он, однако, не обиделся, а только взглянул на меня искоса, как наблюдательная и задумчивая ворона.

– Нет, мистер Темпест, я бы этого не хотел, – ответил он сухо. – Не думаю, что мне стоило бы поменяться с вами местами. Я чувствую себя превосходно на своем месте. Мой мозг – это мой банк. Он приносит вполне приличные проценты, на которые можно жить, и это все, что мне нужно: ни в чем не нуждаться и честно платить по счетам. Я никогда не завидовал богатым.

– Мистер Бентам – философ, – вмешался, улыбаясь, его компаньон, мистер Эллис. – Людям нашей профессии, мистер Темпест, случается бывать свидетелями стольких взлетов и падений, что, наблюдая за переменами в жизни клиентов, мы и сами извлекаем для себя полезные уроки.

– Ах вот оно что! – весело ответил я. – Так это урок, который я так и не усвоил! Но должен признаться, что в настоящий момент я вполне доволен жизнью.

Они оба вежливо поклонились, и мистер Бентам пожал мне руку.

– Дело завершено, позвольте вас поздравить, – сказал он любезным тоном. – Если в будущем пожелаете доверить ведение своих дел другим, мы с партнером уступим им место. Ваш покойный родственник испытывал к нам глубочайшее доверие...

– В точности, как и я, уверяю вас, – перебил я. – Будьте любезны и впредь вести мои дела – и можете не сомневаться в моей благодарности.

Оба человечка снова поклонились, и на этот раз мы обменялись рукопожатиями с мистером Эллисом.

– Мы сделаем для вас все, что в наших силах, мистер Темпест, не правда ли, Бентам?

Бентам серьезно кивнул.

– А теперь, Бентам, – обратился к партнеру мистер Эллис, – не рассказать ли нам об *этом*? Или не стоит?

– Полагаю, – сентенциозно ответил Бентам, – что рассказать стоит.

Я переводил взгляд с одного на другого, не понимая, о чем идет речь. Мистер Эллис потер руки и заговорил, заранее неодобрительно улыбаясь:

– Дело вот в чем, мистер Темпест. У вашего покойного родственника была одна очень любопытная идея... Он был человеком проникательным и умным, но у него определенно была одна весьма любопытная идея... И возможно, если бы он ей полностью отдался, она привела бы его... да, она могла привести его в сумасшедший дом и помешать распорядиться его весьма обширным состоянием таким... э-э... таким справедливым и разумным способом, как это произошло в итоге. К счастью для себя и... э-э... и для вас, он не до конца проникся своей идеей и до последнего дня сохранил свои замечательные деловые качества и высокое чувство порядочности. Но я все-таки не думаю, что он избавился от этой идеи. Как вы полагаете, Бентам?

Бентам задумчиво смотрел на круглое пятно копоти на потолке, образовавшееся над газовой лампой.

– Полагаю, что нет... Определенно, нет, – ответил он. – Я думаю, он был совершенно убежден в своей идее.

– И что же это была за идея? – спросил я, потеряв терпение. – Он что, хотел получить какой-то патент? Придумал новый летательный аппарат и захотел таким образом избавиться от своих денег?

– Нет-нет, что вы! – И мистер Эллис тихим приятным смешком рассмеялся над моим предложением: – Нет, мой дорогой сэр, ничто механическое или коммерческое не могло захватить его воображение. Он был... э-э... я бы сказал, слишком серьезно настроен против того, что люди называют «прогрессом», чтобы помогать ему какими-либо новыми изобретениями или другими средствами. Видите ли, мне несколько неловко объяснять вам то, что кажется абсурдом и вымыслом, но... Во-первых, мы так и не знаем, как он нажил свои деньги, не так ли, Бентам?

Бентам кивнул и плотно сжал губы.

– Мы управляли крупными суммами, давали советы по вложениям капиталов и другим вопросам, но совсем не наше дело – знать, откуда взялись эти деньги. Не так ли, Бентам?

Его партнер снова степенно наклонил голову. Эллис продолжал, сложив ладони домиком и легонько потирая кончики пальцев:

– Нам доверяли, и мы старались оправдать доверие, проявляя... э-э... деликатность и преданность. И только после многих лет нашего сотрудничества клиент упомянул свою... э-э... свою идею. Чрезвычайно странную и необыкновенную. Короче говоря, суть в том, что он продал душу Дьяволу и что его состояние – один из результатов этой сделки!

Я от души расхохотался и воскликнул:

– Что за нелепость! Вот беда! Видимо, что-то повредилось у него в голове. А может быть, он употребил это выражение в переносном смысле?

– Думаю, нет... – полувопросительно ответил мистер Эллис, продолжая поглаживать кончики пальцев. – Наш клиент использовал фразу «продать душу Дьяволу» не как фигуру речи. Как вы полагаете, мистер Бентам?

– Уверен, что нет, – серьезно ответил Бентам. – Он говорил о «сделке» как о действительном и свершившемся факте.

Я снова рассмеялся, но уже не так бурно, и сказал:

– Что ж, в наше время у людей бывают разные причуды: например, учения мадам Блаватской и мадам Безант, гипнотизм и все прочее. Неудивительно, что у некоторых все еще теплится глупое старое суеверие о существовании Дьявола. Но для человека вполне разумного...

– Да... э-э... да, – прервал меня мистер Эллис. – Но ваш родственник, мистер Темпест, был человек в высшей степени благоразумный, и эта... э-э... идея была единственной причудой его в высшей степени практического ума. Поскольку речь идет всего лишь об идее, вряд ли стоило даже упоминать об этом. Но может быть, и хорошо – и мистер Бентам согласен в этом со мной, – может быть, и хорошо, что мы об *этом* рассказали.

– Да, рассказали – и получили удовлетворение и облегчение, – подтвердил мистер Бентам.

Я поблагодарил их с улыбкой и поднялся, чтобы уйти. Стряпчие, как по команде, поклонились мне еще раз. Выглядели они почти как братья-близнецы, настолько сходный след оставила на их внешности совместная практика.

– Всего доброго, мистер Темпест, – сказал мистер Бентам. – Мне незачем заверять вас, что мы будем служить вам так же, как нашему покойному клиенту, в меру наших возможностей. Постараемся принести вам пользу в вопросах, где совет может оказаться кстати. Не нужен ли вам какой-либо аванс прямо сейчас?

– Нет, благодарю вас, – ответил я, чувствуя признательность к своему другу Риманесу: его щедрость позволила мне чувствовать себя совершенно свободно в общении с этими господами. – Я вполне обеспечен.

Как мне показалось, стряпчих несколько удивил такой ответ, но осторожность помешала им сделать какое-либо замечание. Они записали мой адрес в «Гранд-отеле» и отрядили клерка проводить меня. Я дал человеку целых полсоверена, чтобы он выпил за мое здоровье, и он охотно обещал это сделать.

Затем я прогулялся пешком по судебному кварталу, пытаюсь осознать, что все происходящее не чудесный сон и я на самом деле пятикратный миллионер. По счастливой случайности, заворачивая за угол, я столкнулся лицом к лицу с тем самым издателем, который накануне вернул мне отклоненную рукопись.

– Здравствуйте! – воскликнул он, останавливаясь.

– Здравствуйте! – откликнулся я.

– Куда направляетесь? – спросил он. – Все еще пытаетесь пристроить свой злосчастный роман? Милый юноша, поверьте мне, этому не бывать...

– Нет, бывать, – ответил я спокойно. – Я сам его издам.

Он был поражен.

– Вы сами опубликуете? Боже мой! Но ведь это будет стоить... – ого! – шестьдесят или семьдесят... а может быть, даже сто фунтов!

– Не имеет значения, хоть тысячу!

Красный румянец выступил на его лице, он глядел совершенно ошеломленно.

– Но мне казалось... извините... – пролепетал он. – Мне казалось, у вас совсем нет средств...

– Не было, – сухо ответил я. – А теперь есть.

Его растерянный вид и все со мной случившееся подействовали на меня так, что я принялся хохотать – дико и оглушительно. Он встревоженно огляделся по сторонам, словно собирался удрать, но я схватил его за руку.

– Послушайте, любезный, – начал я, пытаюсь совладать со своим почти истерическим весельем, – не принимайте меня за сумасшедшего. Я всего лишь миллионер!

И смех снова разобрал меня. Происходящее казалось мне в высшей степени комичным. Но достойный издатель так не считал, и на его лице читалась такая неподдельная тревога, что мне пришлось все-таки взять себя в руки.

– Послушайте, я не шучу, это правда. Вчера вечером я был голоден, и вы, будучи человеком добрым, предложили угостить меня ужином. А сегодня у меня пять миллионов фунтов! Да не смотрите на меня так, а то вас хватит удар! Как я уже сказал, я издам книгу за свой счет, и она обязательно будет иметь успех! Да, я говорю совершенно серьезно, серьезнее некуда! У меня прямо сейчас в кошельке более чем достаточно средств, чтобы оплатить ее издание немедленно!

Я отпустил его, и он отшатнулся, ошеломленный и растерянный.

– Боже правый! – пробормотал издатель чуть слышно. – Это какой-то сон! Я никогда не слышал про такие чудеса!

– И я тоже!

Хохот снова стал разбирать меня, и я боялся не выдержать.

– Но странные вещи случаются не только в романах, но и в жизни, – продолжал я. – И камень, который отвергли строители... я имею в виду, читатели, – ляжет во главу угла, то есть станет событием сезона! Сколько вы возьмете за издание?

– Я? Я буду издавать вашу книгу?

– Да, разумеется, почему бы и нет? Если я дам вам возможность честно заработать несколько пенни, неужели ваша оплаченная кучка «чтецов» сможет помешать вам в этом?

Фи! Вы не раб, мы живем в свободной стране. Я знаю людей, которые выполняют для вас работу «чтецов». Никем не любимая старая дева лет пятидесяти... Книжный червь с расстройством желудка, он же литературный неудачник, неспособный найти другой работы, кроме как строчить ворчливые рецензии на рукописи талантливых книг... Скажите, ради всего святого, почему вы полагаетесь на столь некомпетентные мнения? Я заплачу вам за публикацию своей книги столько, сколько вы скажете, и даже кое-что дам сверху. И я гарантирую вам еще вот что: книга сделает имя не только мне, как автору, но и вам, как издателю. Ее ждет королевская реклама, я поработаю с прессой. В этом мире за деньги можно сделать все...

– Погодите, погодите! – перебил меня издатель. – Это так неожиданно! Дайте мне подумать, дайте время...

– Один день на размышление, – отрезал я. – Один день – и не более. Если вы завтра не скажете «да», я найду другого, и вся прибыль уйдет ему! Делайте все вовремя, мой друг! Засим прощайте!

Он побежал за мной следом:

– Постойте, погодите! Вы такой странный, такой дикарь, такой сумасброд! У вас, похоже, закружилась голова!

– Да, закружилась! И есть от чего!

– Боже мой! – заискивающе улыбался он. – Ведь вы даже не дали мне возможности вас поздравить. И знаете ли, я действительно от всей души вас поздравляю! – Он схватил мою руку и горячо ее пожал. – А что касается книги, то мне кажется, в ней действительно не было недостатков ни в стиле, ни в таланте. Но она была слишком... слишком трансцендентальной и никак не соответствовала вкусу публики. В наше время больше востребованы сюжеты о домашнем насилии – они наилучшим образом продаются. Но я подумаю. Скажите, куда вам писать?

– «Гранд-отель», – ответил я, забавляясь его озадаченным и ошеломленным видом.

Я понимал, что он уже мысленно прикидывает, сколько можно выжать из моей литературной прихоти.

– Приезжайте завтра в «Гранд-отель». Если хотите, мы можем вместе пообедать. Только предупредите меня заранее. И помните, у вас всего один день, чтобы ответить – да или нет. Всего двадцать четыре часа!

С этими словами я покинул его.

Издатель ошеломленно глядел мне вслед, словно человек, только что столкнувшийся с необъяснимым чудом. Некоторое время я шел, продолжая неслышно посмеиваться, пока не заметил, что прохожие поглядывают на меня с удивлением, и тогда решил скрывать свое настроение, чтобы меня не приняли за сумасшедшего. Я прибавил шагу, и вскоре возбуждение прошло. Я снова сделался сдержанным англичанином, который считает, что показывать личные чувства – это верх дурного тона. Остаток утра я потратил на покупку готового платья: в этом мне также сопутствовала удача, ибо все выбранное подходило по размеру. Кроме того, я сделал обширный, чтобы не сказать экстравагантный, заказ модному портному на Саквилл-стрит, и он обещал мне сшить все быстро и точно в срок. Затем я отослал арендную плату хозяйке своей прежней квартиры, прибавив бедной женщине пять фунтов в знак признательности за долготерпение, с которым она предоставляла мне кредит, равно как и в целом за доброту, с какой она относилась ко мне все время моего пребывания в ее мрачном доме. Разделавшись с этими делами, я вернулся в «Гранд-отель» в приподнятом настроении. Теперь в новом наряде я лучше выглядел и лучше себя чувствовал.

В вестибюле портье с самым подобострастным видом сообщил мне, что «их светлость князь» приглашает меня позавтракать в своих покоях. Я тотчас направился туда и нашел моего нового друга в роскошной гостиной в одиночестве. Он стоял на фоне самого большого окна и держал в руке продолговатый хрустальный футляр, рассматривая его с выражением нежной заботы.

– А, Джеффри, это вы! – воскликнул он. – Я решил, что вы закончите дела к обеду, и решил подождать.

– Очень любезно с вашей стороны! – ответил я, довольный его дружеской фамильярностью: ведь он назвал меня по имени. – Что у вас в этом футляре?

– Мой питомец, – ответил он с улыбкой. – Видели ли вы когда-нибудь нечто подобное?

VI

Я подошел и осмотрел футляр. В нем были просверлены маленькие отверстия для доступа воздуха, а внутри лежало блестящее крылатое насекомое, искрившееся всеми оттенками и полутонами радуги.

– Оно живое? – спросил я.

– Да, живое и в достаточной мере разумное, – ответил Риманес. – Я кормлю его, и он меня знает. Ведь это все, что можно сказать о самом цивилизованном человеке: он знает, кто его кормит. Как видите, мой питомец совсем ручной и дружелюбный.

Князь осторожно открыл футляр указательным пальцем. Сверкающее тельце жука трепетало опаловыми оттенками. Блестящие крылья распахнулись, и он взлетел на руку своему покровителю и сел там. Риманес поднял руку ввысь, слегка покачал из стороны в сторону и воскликнул:

– Лети, Спрайт! Лети и возвращайся!

Существо пронеслось через комнату, описав круг у потолка. Оно было похоже на прекрасный переливающийся драгоценный камень, крылья издавали в полете слабое жужжание. Я замороженно следил за ним, пока после нескольких грациозных пролетов туда и обратно жук не вернулся на все еще протянутую руку хозяина и не уселся, больше не пытаясь взлететь.

– Есть старая поговорка: среди жизни мы находимся во власти смерти, – сказал тогда князь негромко. Его темные глубокие глаза были устремлены на дрожащие крылья насекомого. – Но она ошибочна, как и многие другие избитые человеческие максимы. Надо было сказать так: мы живем среди смерти. Это удивительное существо – редкое произведение смерти, хотя и вряд ли единственное в своем роде. При точно таких же обстоятельствах находили и других. Я же стал его хозяином довольно странным образом. Вам не будет скучно, если я расскажу эту историю?

– Нет-нет, напротив, – с жаром подхватил я, не сводя глаз с сияющей фигурки, блестящей на свету так, будто ее прожилки фосфоресцировали.

Князь помедлил, наблюдая за мной.

– Это случилось вот как. Я присутствовал при вскрытии мумии египтянки. Судя по талисманам, это была принцесса из известного царского дома. На шее у нее было повязано несколько любопытных драгоценных бус, а грудь прикрывал лист чеканного золота толщиной в четверть дюйма. Тело под этой золотой пластиной было обернуто множеством пропитанных благовониями покрывал. Когда их сняли, оказалось, что мумифицированная плоть посередине груди принцессы разложилась, и в пустоте, образовавшейся на этом месте, нашли это насекомое: живое и такого же яркого цвета, как сейчас!

Я не мог сдержать легкую нервную дрожь и сказал:

– Ужасно! Признаюсь, на вашем месте я не стал бы превращать такую сверхъестественную тварь в своего питомца. По-моему, его следовало убить.

– Почему же? – спросил князь, не сводя с меня пристального взгляда. – Боюсь, мой дорогой Джеффри, у вас нет склонности к науке. Убить беднягу, сумевшего сохранить жизнь в самом лоне смерти, – нет, это слишком жестоко. Для меня это насекомое, которому не находят места в своих системах энтомологи, – ценное доказательство (если только мне нужно доказательство!) неистребимости зародышей сознательного существования. У него есть глаза, органы вкуса, обоняния, осязания и слуха, и он получил их вместе с разумом из мертвой плоти женщины, которая жила, любила, грешила и страдала более четырех тысяч лет назад!

Князь помолчал, а потом прибавил:

– И все-таки должен вам признаться откровенно: мне кажется, что это злое существо. Да, оно действительно злое! Но от этого оно не станет мне нравиться меньше. На самом деле

у меня довольно фантастические представления. Я склоняюсь к тому, чтобы принять идею о переселении душ, и поэтому иногда тешу себя такой мыслью: что, если у египетской принцессы из древнего царского дома была злая и блестящая вампирская душа? И эта душа – *перед нами!*

При этих словах по моему телу пробежала холодная волна трепета. Глядя на темную высокую фигуру князя, стоявшего напротив меня в зимнем свете окна, с впившейся в его руку «злой и блестящей вампирской душой», я вдруг понял, что в его красоте есть какое-то скрытое безобразие, и ощутил смутный ужас. Однако я тут же решил, что причина ужаса – страшный рассказ, и, стараясь побороть свои ощущения, стал внимательнее рассматривать странное насекомое. В этот момент яркие глаза-бусинки сверкнули – мстительно, как мне показалось, – и я отступил на шаг назад, досадуя на себя за глупый страх перед этим существом.

– Конечно замечательно, – пробормотал я, – неудивительно, что вы так высоко цените эту диковинку. Его глаза смотрят почти разумно.

– Безусловно, у нее были красивые глаза, – улыбнулся Рима нес.

– У нее? Кого вы имеете в виду?

– Принцессу, разумеется! – ответил он, явно забавляясь. – Милую покойницу, частично живущую теперь в этом существе, поскольку оно питалось исключительно ее плотью.

И он с величайшей осторожностью поместил насекомое в его хрустальное жилище.

– Надо полагать, – произнес я медленно, – что вы, следуя положениям науки, делаете вывод о том, что ничто не исчезает полностью?

– Совершенно верно! – с готовностью подхватил Рима нес. – В этом и состоит, мой дорогой Темпест, злая – или Божественная – природа вещей. Ничто нельзя полностью уничтожить – даже мысль.

Я молча наблюдал за тем, как он убирает хрустальный футляр с его сверхъестественным обитателем с глаз долой.

– А теперь приступим к обеду, – весело сказал он, беря меня под руку. – Вы, Джеффри, выглядите примерно на двадцать процентов лучше по сравнению с сегодняшним утром. Из этого я делаю вывод, что юридические вопросы разрешились благополучно. А что еще вы успели сделать?

Мы сели за стол, и темнолицый Амиэль принялся нам прислуживать. За обедом я рассказал о своих утренних приключениях, подробно остановившись на случайной встрече с издателем, который только позавчера вернул мне рукопись. Я выразил уверенность, что теперь он будет счастлив принять мое предложение. Рима нес слушал внимательно, то и дело улыбаясь.

– Конечно! – объявил он, когда я кончил. – Нет ничего удивительного в поведении этого достойного человека. На самом деле он проявил незаурядную осмотрительность и порядочность хотя бы потому, что не ухватился за ваше предложение сразу же. Его милое лицемерие – просьба дать время подумать – характеризует его как человека тактичного и дальновидного. Вы вообще можете представить себе человека, чью совесть нельзя было бы купить? Дорогой друг, за хорошую цену можно купить даже короля. И римский папа продаст вам специально зарезервированное место у себя на небесах, если только вы предоставите ему достаточную сумму еще здесь, на земле. Ничто в этом мире не дается даром, кроме воздуха и солнечного света. Все прочее можно купить – иногда кровью, слезами и стонами, но гораздо чаще деньгами.

Мне показалось, что Амиэль, стоявший за креслом своего господина, мрачно улыбнулся, услышав эти слова, и моя инстинктивная неприязнь к этому малому заставила меня более сдержанно рассказывать о своих делах во время еды. Я не мог ясно выразить, что именно отталкивает меня от доверенного слуги князя, но как бы там ни было, отвращение присутствовало и даже увеличивалось каждый раз, когда я видел его угрюмую и, как мне казалось, насмешливую физиономию. Между тем камердинер оставался безукоризненно почтителен и внимателен. Придаться было не к чему, но когда он наконец поставил на стол кофе, коньяк и сигары и бесшумно удалился, я почувствовал большое облегчение и вздохнул свободнее. Когда мы

остались одни, Риманес закурил сигару. Он поглядывал на меня с заинтересованным и добродушным видом, и это делало его красивое лицо еще привлекательнее.

– Давайте поговорим, – предложил он. – Теперь я, похоже, ваш лучший друг, а кроме того, я несомненно знаю жизнь лучше, чем вы. Каковы ваши жизненные планы? Или лучше спросить так: как вы намерены распорядиться своими деньгами?

Я рассмеялся и ответил так:

– Ну что ж, жертвовать на церковь я, пожалуй, не буду, и на больницу тоже. Не буду даже основывать свободную библиотеку. Все подобные учреждения, помимо того что способствуют распространению инфекций, обычно оказываются под управлением комитета, состоящего из местных дельцов, которые считают себя знатоками изящной словесности. Дорогой князь, я намерен потратить деньги на собственные удовольствия. И поверьте мне, я сумею найти массу способов осуществить этот план.

Риманес развеял дым сигары движением руки. Его темные глаза в этот момент как-то особенно сияли сквозь затянувшую комнату серую дымку.

– Но с вашим состоянием вы могли бы осчастливить сотни нуждающихся?

– Благодарю вас, я предпочту сам сначала стать счастливым, – весело ответил я. – Должно быть, я вам кажусь эгоистом? Вы ведь филантроп, я знаю. Но я-то нет.

Он по-прежнему пристально смотрел на меня:

– Могли бы помочь коллегам по литературному цеху...

Я решительно отмахнулся от этого предложения:

– Вот уж чего я совсем не собираюсь делать ни при каких обстоятельствах! Коллеги по литературному цеху отвечивали мне пинки при каждом удобном случае и делали все возможное, чтобы не дать мне заработать даже на пропитание. Теперь мой черед отвечать им пинки. И они увидят от меня ровно столько же милосердия, помощи и сочувствия, сколько я видел от них!

– «Мечь сладка!» – процитировал он с чувством. – Я рекомендовал бы вам основать перворазрядный журнал ценой в полкроны за экземпляр.

– Почему же?

– Вы еще спрашиваете? Подумайте только о той свирепой радости, которую вы испытаете, когда ваши литературные враги начнут присылать вам рукописи, а вы будете их отвергать одну за другой! Бросать их письма в мусорную корзину, отсылать им обратно все их стихи, рассказы, публицистику и так далее, черкнув на обороте: «Возвращаем с благодарностью» или «Не подошло». Или терзать своих соперников с помощью такого оружия, как анонимная критика! Истошный вопль, который издает дикарь с двадцатью скальпами на поясе, покажется выражением детской радости по сравнению с этим! Я-то знаю все это, поскольку сам был когда-то издателем!

Я рассмеялся над его до странности горячей речью и ответил:

– Мне кажется, вы правы. Мне очень близки эти мстительные чувства! Но издавать журнал было бы слишком хлопотно. Это слишком большая обуза.

– А вы и *не издавайте* его! Последуйте примеру всех известных газетчиков: не вмешивайтесь в ведение дел, но извлекайте прибыль! Главного редактора крупной ежедневной газеты никто никогда не видит: поговорить можно только с его заместителем. Сам же большой господин находится, в зависимости от времени года, в Аскоте, в Шотландии, в Ньюмаркете или проводит зиму в Египте. Предполагается, что он отвечает за все в своей газете, но в действительности знает про нее меньше всех. Он полагается на свой «штат» (временами это очень слабая опора), и когда «штат» оказывается в затруднительном положении, то сотрудники начинают выпутываться, утверждая, что ничего не могут решить без главного редактора. Тем временем редактор находится за тысячу миль и в ус не дует. Вы могли бы водить публику за нос таким образом, если бы захотели.

– Мог бы, но не хочу, – ответил я. – Если бы я занялся делом, то относился бы к нему серьезно. Я считаю, что надо все делать основательно.

– В точности как и я! – живо откликнулся князь. – Я тоже очень основателен и «все, что может рука моя делать, по силам делаю»! Вы уж простите меня за библейскую цитату...

Он улыбнулся – несколько иронически, как мне показалось, и продолжил:

– Ну и как же вы думаете распорядиться своим наследством?

– Издаю свою книгу, – ответил я. – Ту самую, которую никто не хотел брать. И увидите, я заставлю весь Лондон говорить о ней!

– Вполне возможно, что заставите, – ответил он, поглядывая на меня сквозь полуопущенные веки и облака дыма. – Лондон любит поговорить. В особенности на неприятные и сомнительные темы. Поэтому, как я вам уже намекал, если бы ваша книга представляла собой взвешенную смесь из Золя, Гюисманса и Бодлера или если бы ваша героиня была «скромной» девицей, считающей благородный брак «вырождением», то в наши дни новых Содома и Гоморры сочинение ждал бы несомненный успех.

Тут он вдруг вскочил и, отбросив сигару, шагнул ко мне и заговорил:

– Отчего Небеса до сих пор не обрушат огненный ливень на этот проклятый город? Он вполне созрел для наказания. Здесь полно отвратительных тварей, недостойных тех адских мук, на которые, говорят, обречены лгуны и лицемеры! Послушайте, Темпест, на свете нет людей, которых я ненавижу больше, чем самый распространенный в наше время тип человека, прячущего свои отвратительные пороки под маской напускной широты взглядов и добродетели. Такие возводят на пьедестал даже потерю женщиной целомудрия, называя это «чистотой», – потому что только ее нравственной и физической гибелью могут насытить свою звериную похоть. Вместо этого ханжества и трусости не лучше ли открыто провозгласить себя подлецом?!

– В вас говорит ваша благородная натура, – ответил я. – Вы – исключение из правил.

– Я? Исключение? – И он горестно рассмеялся. – Да, вы правы. Я исключение – среди людей, по крайней мере. Но я подл по сравнению с честностью животных! Лев не прикидывается голубем, он рыком громко возвещает о своей свирепости. Даже гремучая змея, хоть и движется скрытно, выдает свои намерения шипением или звуком погремушки! Ветер далеко разносит вой голодных волков, и испуганный путник ускоряет шаг среди снежных пустошей. Но по поступкам человека нельзя догадаться о том, чего он хочет. Он злобнее льва, коварнее змеи, жаднее волка, он жмет руку ближнего в притворной дружбе, а через час поносит его же за глаза. Приветливый вид скрывает лживое и себялюбивое сердце. Он насмехается над Богом, строя мелкие насмешки над загадкой устройства Вселенной, – и делает это на краю гроба. О Небо! Что делать Вечности с таким неблагодарным, слепым червем?!

Его голос звучал с необычайной силой, глаза горели огнем. Я был так поражен его видом, что забыл о своей погасшей сигаре и только разглядывал его в немом изумлении. Какое вдохновенное лицо! Какая внушительная фигура! Лусио казался в эту минуту величественным, почти богоподобным. И в то же время в его позе, выразившей протест и неповиновение, было нечто ужасающее. Он встретил мой удивленный взгляд, и пламя страсти поблекло на его лице.

Князь засмеялся и пожал плечами.

– Я, должно быть, прирожденный актер, – заметил он беспечно. – Время от времени на меня нападает страсть к декламации. Тогда я начинаю говорить как премьер-министры или парламентарии – под влиянием господствующего в эту минуту настроения, не придавая значения ни единому слову.

– Мне так не кажется, – ответил я с вымученной улыбкой. – Вы говорите то, что думаете. Хотя ваша натура действительно в высшей степени импульсивна.

– Вы действительно так думаете?! – воскликнул он. – Это очень мудро. Это очень мудро с вашей стороны, добрейший Джеффри Темпест! Но вы не правы. Не было на свете создания

менее импульсивного и более целеустремленного, чем я. Хотите верьте, хотите нет, но вера – это чувство, которое нельзя никому навязать. Если я скажу вам, что моя компания опасна, что я ставлю зло выше добра, что я вовсе не надежный руководитель для кого бы то ни было, то что вы скажете?

– Скажу, что вы недооцениваете себя из чистого каприза, – ответил я, вновь зажигая сигару. В серьезности моего собеседника мне чудилось что-то забавное. – И что вы мне будете нравиться по-прежнему и даже еще больше, хотя это и трудно вообразить.

Услышав мои слова, он сел, устремив на меня пристальный взгляд темных глаз.

– Послушайте, Темпест, вы следуете моде, принятой у красивейших женщин в этом городе: им всегда нравятся самые отъявленные негодяи!

– Но ведь вы не негодяй, – возразил я, мирно пуская кольца.

– Нет, я не негодяй, но во мне есть много дьявольского.

– Тем лучше, – отвечал я, поудобнее устраиваясь в кресле. – Надеюсь, во мне это свойство тоже имеется.

– А вы верите в него? – спросил Риманес с улыбкой.

– В Дьявола? Разумеется, нет!

– О, это весьма обаятельный, легендарный персонаж, – продолжал князь, закуривая новую сигару и медленно выпуская клуб дыма. – О нем рассказывают много прекрасных историй. Представьте себе, например, его падение с небес! «Люцифер, сын Утра» – что за имя, что за происхождение! Родиться от Утра означает быть сотканным из прозрачного ясного света. Все тепло миллионов небесных сфер поднялось ввысь, чтобы отдать свои цвета его яркой сущности. Все огненные планеты отдали свое пламя его глазам. Возвышенный и величественный, этот Архангел восседал одесную самого Бога, и пред его неутомимым взором расстилалось все грандиозное великолепие Божьих помыслов и мечтаний. Внезапно он узрел в пространстве, где роились эмбрионы новых явлений, некий новый малый мир и существо, словно бы медленно принимающее форму ангела. Это было существо слабое, но в то же время и сильное, возвышенное – и глупое. Оно было воплощением странного парадокса, и ему было суждено пройти через все фазы жизни, пока, впитав в себя самое дыхание и душу Творца, оно не оказалось причастно к Бессмертию – Вечной Радости. Тогда полный гнева Люцифер повернулся к Владыке Сфер и воскликнул с безумным вызовом: «Неужели ты сделаешь из этого ничтожного существа ангела, подобного мне? Я протестую и осуждаю тебя за это! И если ты сотворишь Человека по образу нашему и подобию, то я сотру его в прах, ибо он недостойн разделить со мной великолепие твоей Мудрости и славу твоей Любви!» И тогда ответил ему прекрасный и ужасный глас Всевышнего: «Люцифер, сын Утра, ведомо тебе, что ни одно праздное или пустое слово не должно быть произнесено перед лицом Моим. Ибо свобода воли – это дар Бессмертных. Что ты говоришь, то и сделаешь! Пади, гордый Дух, с высот своих – ты и спутники твои с тобою – и не возвращайся, пока сам Человек не принесет тебе искупление! Каждая душа человеческая, поддавшаяся искушению твоему, да будет новой преградой между тобой и Небом. Каждый, кто по своей воле оттолкнет и победит тебя, поднимет тебя ближе к твоему потерянному дому! Когда мир совсем отвергнет тебя, я прошу и снова приму тебя, но *не раньше*.

– Никогда не слышал такого варианта легенды, – сказал я. – Мысль о том, что человек должен принести искупление Дьяволу, кажется мне совершенно новой.

– Вот как? – спросил он, глядя на меня пристально. – Ну что ж, это только одна из версий известного рассказа, и притом самая непоэтичная. Бедняга Люцифер! Наказание его, несомненно, будет длиться вечно, а расстояние между ним и Небесами должно стремительно увеличиваться каждый день, ибо люди никогда не помогут исправить его ошибку. Посудите же сами, как после гибели, случившейся при таких обстоятельствах, этот «Люцифер, сын Утра», или Сатана, или как там его еще называют, должен ненавидеть человечество!

Я улыбнулся и заметил:

– Что ж, тогда ему остается только одно средство: никого не искушать.

– Вы забыли одну вещь! Согласно легенде, он обязан сдержать свое слово. Он поклялся Богу, что полностью уничтожит Человека. И он должен исполнить это обещание, если сможет. Ангелы не могут клясться пред Вечным и потом не исполнять свои обеты. Это только люди клянутся именем Божиим каждый день без малейшего намерения сдержать слово.

– Да ведь это полнейшая чепуха, – возразил я нетерпеливо, – все эти древние легенды – сущий вздор. Вы хорошо рассказываете истории – так, словно сами в них верите. Но все это оттого, что у вас есть дар красноречия. Нынче никто не верит ни в чертей, ни в ангелов. А я, например, даже в существование души не верю.

– Знаю, что не верите, – ответил он учтиво, – и ваш скептицизм очень удобен, поскольку снимает всякую личную ответственность. Я вам даже завидую! Ибо, как ни печально, но я вынужден верить в существование души.

– Вынужден? – переспросил я. – Но это нелепо. Никакая сила не может заставить вас принять какую-то идею за истину.

Он поглядел на меня, и на его губах мелькнула улыбка, которая, впрочем, скорее омрачила, чем оживила его лицо.

– Верно! Как верно сказано! Такой силы нет в целой Вселенной! Человек – высшее и независимое существо, он хозяин всего видимого, не обязанный отчетом никому, кроме своих желаний. Все это верно, я просто забыл об этом! Давайте-ка оставим теологию, а также психологию. Поговорим о единственном предмете, который имеет хоть какой-то смысл или интерес: о деньгах. Я вижу, что ваши нынешние планы прояснились. Вы хотите издать книгу, которая произведет фурор и сделает вас знаменитым. План кажется довольно скромным! А нет ли у вас более широких амбиций? Ведь есть несколько способов сделать так, чтобы о вас заговорили. Может быть, я вам их перечислю на выбор?

– Пожалуйста, если хотите! – рассмеялся я в ответ.

– Во-первых, я должен предложить вам правильно составить рекламную статью в газету. Пресса должна знать, что вы чрезвычайно богатый человек. Есть агентство, которое занимается написанием газетных статей, и, полагаю, они сделают это достаточно хорошо примерно за десять или двадцать гиней.

Я был изумлен.

– Так вот как это делается?

– Мой дорогой друг, а как еще это может делаться? – спросил он несколько раздраженно. – Вы что, думаете, в этом мире хоть *что-нибудь* происходит без участия денег? Разве ваши братья или закадычные друзья – нищие журналисты, зарабатывающие только на кусок хлеба, – разве они обязаны трубить о вас повсюду, ничего не получая взамен? Если вы не направите их в нужную сторону, они будут ругать вас совершенно искренне и безвозмездно, – это я могу вам обещать! Я знаю «литературного агента», тоже весьма достойного человека, который за сотню гиней поработает с прессой так, что через несколько недель публике станет казаться, будто миллионер Джеффри Темпест – единственный человек, о котором стоит говорить. И пожать ему руку – честь, сопоставимая разве что с рукопожатием с королевскими особами.

– Договоритесь с ним! – попросил я. – И заплатите ему не сто, а двести гиней! Пусть весь мир услышит обо мне!

– Когда пресса вас хорошенько разрекламирует, – продолжал князь, – вы сделаете следующий шаг: войдете в так называемое высшее общество. Делать это нужно осторожно и не спеша. Вы должны быть представлены на первом приеме в этом сезоне, а потом я добуду вам приглашение в дом какой-нибудь знатной дамы, где вы встретитесь за обедом с принцем Уэльским. Если вы можете чем-либо угодить или оказаться полезным его королевскому высочеству, тем лучше для вас. Он, по крайней мере, самый популярный член королевской семьи в Европе,

так что вам не составит труда вести себя любезно. Вслед за этим вы должны купить прекрасное загородное имение и осветить этот факт в прессе. Затем уже можно будет почтить на лаврах: общество примет вас, вы окажетесь в моде!

Я от души посмеялся: эта перспектива меня позабавила.

– Я не предлагаю вам утруждать себя прохождением в парламент, – продолжал князь. – В наше время это уже не требуется для джентльмена. Но настоятельно рекомендую вам выиграть Дерби.

– Благодарю за превосходный совет! – ответил я весело. – Но ему не так-то просто следовать.

– Если вы захотите выиграть Дерби, – спокойно сказал Лусио, – то вы его обязательно выиграете. Я подберу вам и лошадь, и жокея.

Решительный тон, которым это было сказано, произвел на меня впечатление, и я наклонился поближе, чтобы рассмотреть выражение его лица повнимательнее.

– Вы волшебник? – спросил я его шутливо. – Или вы говорите серьезно?

– Испытайте меня, – ответил он. – Можно мне записать лошадь на скачки за вас?

– Но вы просто не успеете это сделать, назначенное время уже прошло. Надо быть самим Дьяволом, чтобы справиться с такой задачей. И, кроме того, я равнодушен к скачкам.

– Тогда вам надо воспитывать свой вкус, – ответил князь. – Если вы, конечно, хотите, чтобы вас принимала английская аристократия: она ведь мало интересуется чем-либо, кроме скачек. Вряд ли найдется гранд-дама, у которой не имеется блокнота для записи пари, хотя при этом леди может не уметь правильно писать. Даже самый громкий литературный успех в сезоне не будет иметь никакого веса для высшего света. А вот человек, выигравший Дерби, станет действительно знаменит. Лично я очень интересуюсь скачками, я им искренне предан. Всегда присутствую на главных забегах, никогда их не пропускаю, всегда делаю ставки и никогда не проигрываю! А теперь позвольте перейти к вашему плану действий в обществе. После победы в Дерби вы примете участие в регате в Коусе и позволите принцу Уэльскому победить вас с небольшим преимуществом. Затем дадите грандиозный ужин, приготовленный безупречным шеф-поваром, и развлечете его королевское высочество гимном «Правь, Британия, морями» – это послужит милым комплиментом. На ту же докучливую песню вы сошлетесь в своей изящной речи – и вполне вероятно, что результатом станет королевское приглашение, а может быть, и два. Все будет отлично. С наступлением летней жары вы отправитесь на воды в Хомбург, независимо от того, нуждаетесь вы в этом или нет, а осенью съездите на охоту в приобретенное собственное загородное поместье, пригласив королевскую особу присоединиться к вам для убийства несчастных маленьких куропаток. Тогда ваше имя окончательно закрепится в сознании общества, и вы сможете жениться на любой прекрасной даме из числа выставленных на рынке.

– Благодарю вас, Лусио, очень обязан! – ответил я, чистосердечно смеясь. – Программа превосходная, ей-богу! Вы ничего не забыли!

– Так принято добиваться успеха в обществе, – ответил он с самым серьезным видом. – Ум и оригинальность не приносят никакой пользы, нужны одни только деньги.

– Вы забыли про мою книгу, – напомнил я. – В ней проявился некоторый ум и оригинальность тоже присутствует. Надо полагать, это придаст мне дополнительный импульс, чтобы взобраться на вершины модного света и сделаться значимой фигурой.

– Сильно сомневаюсь, – ответил мой друг. – Ваша книга будет встречена до некоторой степени благосклонно, разумеется, – как продукт деятельности богача, которому взбрело в голову развлечься литературой. Но, как я уже говорил, гением редко бывает богач. С другой стороны, аристократы никак не могут выкинуть из своих глупых голов, что литература – это нечто такое с Граб-стрит. Великие поэты, философы и романисты обычно именуются в высшем обществе «этими людьми». Знать считает «этих людей» «интересными», как бы извиня-

ясь за знакомство с представителями литературного цеха. Представьте себе аристократку времен Елизаветы, которая спрашивает у подруги: «Вы не возражаете, дорогая, если я приведу к вам некоего мастера Уильяма Шекспира? Он пишет пьесы и чем-то занят в театре „Глобус“... боюсь, что он немного играет на сцене... Нет, бедолага не очень богат... Но эти люди всегда такие забавные!» Дорогой Темпест, вы не Шекспир, но миллионы дадут вам больше шансов, чем было у Шекспира, так как вам не придется просить покровительства или проявлять почтение к «милордам» и «миледи». Высокопоставленные особы будут только рады занять у вас денег, если вы им одолжите.

– Нет, не одолжу, – сказал я.

– И просто так не дадите?

– И просто так не дам.

В пронизательных глазах князя промелькнуло одобрение, и он заметил:

– Очень рад, что вы полны решимости не «делать добро», как выражаются эти лицемеры, с помощью своих денег. Вы поступаете мудро. Тратьте только на себя: такие расходы не могут не принести пользу другим обходными путями. Но сам я сейчас придерживаюсь другой политики: постоянно помогаю благотворительным организациям, вношу свое имя в подписные листы и никогда не отказываю духовенству.

– Это удивительно, – сказал я, – вы ведь говорили, что вы не христианин.

– Все это выглядит странно, не правда ли? – ответил он каким-то насмешливо-извиняющимся тоном. – Но может быть, вы смотрите на это с неправильной точки зрения? Многие из священнослужителей делают все возможное, чтобы разрушить религию с помощью лицемерия, сладострастия, всякого рода притворства. И когда они обращаются ко мне за помощью в этом благородном деле, я ее оказываю совершенно бесплатно!

Я засмеялся и, бросив окурочек сигары в огонь, ответил:

– Довольно шуток! Я убедился, что вы любите высмеивать собственные добрые дела. Так, а это что?

Вошел Амиэль с серебряным подносом, на котором лежала адресованная мне телеграмма. Я распечатал ее и увидел, что ее прислал мой друг издатель: «С удовольствием возьмусь за книгу. Присылайте рукопись немедленно».

Я с триумфальным видом продемонстрировал депешу Рима нессу.

Князь улыбнулся:

– Ну разумеется! А вы ожидали чего-то иного? Только этому человеку следовало написать иначе: не думаю, что он взял бы книгу с удовольствием, если бы ему пришлось за нее раскошелиться. Поэтому правильнее было сказать: «С удовольствием возьму деньги за публикацию книги». Ну так что вы намерены делать?

– Я сейчас же займусь этим делом, – ответил я, чувствуя, как по телу проходит дрожь удовольствия оттого, что приближается наконец время мести врагам. – Книгу надо поскорее отдать в печать, и я с радостью позабочусь лично обо всем необходимом. Что касается остальных моих планов...

Луцио прервал меня, положив свою изящную белую руку мне на плечо.

– Предоставьте их мне! – попросил он. – И будьте уверены, что очень скоро вы окажетесь выше всех, подобно медведю, который успешно добрался до лепешки на вершине смазанного жиром шеста, – зрелище на зависть людям и на удивление ангелам!

VII

Следующие три недели пролетели как вихрь, и когда они закончились, я сам себя едва узнавал в ленивом, апатичном, экстравагантном моднике, которым столь внезапно сделался. Иногда, в случайные и одинокие минуты, прошлое возвращалось ко мне, как в калейдоскопе, вспышкой нежеланного воспоминания, и тогда я видел себя измученным, голодным, плохо одетым, склонившимся над письменным столом в своей унылой квартире. Я казался себе несчастным, но при этом находившим отраду в тех мыслях, которые помогали мне создавать красоту из нищеты и любовь из одиночества. Эта творческая способность теперь уснула во мне: я мало делал и мало думал. Но у меня оставалась уверенность, что умственная апатия была чем-то преходящим, желанным отдыхом разума, на который я имел заслуженное право после всех страданий, вызванных бедностью и разочарованием в людях.

Книга была почти готова к печати, и, пожалуй, самым большим удовольствием из всех, которые были мне теперь доступны, стала подготовка корректуры, проходившая под моим строгим наблюдением. Но даже в этом удовлетворении авторских амбиций имелся свой недостаток, и я странным образом оставался недоволен. Разумеется, я читал свое сочинение с наслаждением: я не отставал от своих современников, высоко оценивая собственный труд. Но к моему эгоистическому литературному самодовольству примешивалась изрядная доля неприятного удивления и недоверия, поскольку произведение, создававшееся с таким энтузиазмом, было проникнуто мыслями и чувствами, в которые я сам уже не верил. «Как же это случилось? – спрашивал я себя. – Почему вышло так, что я предлагаю читателю судить обо мне по ложным идеям?» Я мучился этим вопросом – и не находил ответа.

Почему я вообще мог решить, что должен писать книгу, если эта книга была совершенно не похожа на меня – такого, каким я себя теперь осознавал? Как могло мое перо писать о том, что полностью отвергалось моим мировоззрением: о вере в Бога и вечные возможности Божественного прогресса человека – ни во что из этого я больше не верил. Когда мной овладевали сны из прошлой жизни о том, что я беден, голоден и не имею ни одного друга на всем свете, то, вспомнив все это, я поспешно приписывал свое так называемое «вдохновение» действию плохо питавшегося мозга.

Тем не менее во всей этой истории было кое-что поучительное, и однажды, читая последние гранки, я поймал себя на мысли, что книга оказалась благороднее ее автора. Эта мысль поразила меня, словно внезапный укол. Я отодвинул в сторону бумаги и, подойдя к окну, выглянул наружу. Шел сильный дождь, улицы были черны от грязи и слякоти, брели куда-то мокрые и несчастные пешеходы. Все видимое было уныло, и сознание своего богатства ничуть не помогало мне справиться с внезапной депрессией.

Я был совсем один: теперь у меня были собственные апартаменты в гостинице, по соседству с теми, что занимал Риманес. Я обзавелся и респектабельным слугой – славным малым, которому я даже симпатизировал, потому что он полностью разделял мою необъяснимую неприязнь к княжескому камердинеру Амиэлю. Далее, у меня появилась собственная карета с лошадьми, а при них состояли кучер и конюх, так что мы с князем, несмотря на теснейшую дружбу, имели возможность избежать «порождающей презрение фамильярности», поскольку каждый держал отдельное хозяйство.

В тот памятный день я был в еще более жалком настроении, чем во времена бедности, хотя, рассуждая здраво, мне не из-за чего было грустить. Я стал полноправным владельцем своего состояния, обладал превосходным здоровьем и имел все, что хотел. И я знал, что если мои потребности возрастут, то их можно будет легко удовлетворить. «Газетная машина», запущенная моим другом, работала столь успешно, что я находил почти во всех лондонских и провинциальных печатных изданиях упоминания о «знаменитом миллионере» Джеффри Темпесте.

К сведению почтеннейшей публики (к сожалению, крайне невежественной в таких вопросах), могу поведать простую и неприкрашенную истину: за сорок фунтов известное «агентство» гарантирует размещение *любой* статьи, если она не содержит клеветы, не менее чем в четырехстах газетах. Таким образом, искусство сделаться знаменитым легко объясняется, и здравомыслящие люди понимают, почему имена одних авторов не сходят с газетных страниц, а другие, может быть более достойные, прозябают в безвестности. Заслуги при данных обстоятельствах ничего не значат, побеждают всегда только деньги.

Настойчивое упоминание в печати моего имени, похвалы моему «чудесному литературному дару», а также описание моей внешности и почтительное, почти благоговейное упоминание «миллионов», делавших меня таким интересным (статья была написана Лусио и отдана вместе с денежным авансом упомянутому выше «агентству»), – все это вызвало две напасти: во-первых, последовало множество приглашений на светские и художественные мероприятия, а во-вторых, начался непрерывный поток писем с просьбами о помощи. Пришлось нанять секретаря, который занял комнату рядом с моими апартаментами и весь день напряженно трудился.

Излишне говорить, что я отказывал всем, кто просил о деньгах: ведь никто не помог мне в тяжелые дни, за исключением моего старого приятеля по прозвищу Боффлз. Никто, кроме него, не сказал мне даже слова сочувствия, и теперь я решил стать таким же суровым и беспощадным, как и все вокруг. Я получал мрачное удовольствие, читая письма литераторов, искавших должность «секретаря или компаньона», или, в случае отказа, надеявшихся на небольшую ссуду, которая поможет «пережить временные трудности».

Один из таких просителей – журналист известной газеты – когда-то обещал мне найти работу, но вместо этого, как я узнал впоследствии, всячески уговаривал своего редактора мне отказать. Ему и в голову не приходило, что миллионер Темпест и писатель Темпест – одно и то же лицо, поскольку большинство людей и вообразить не могут, что литератор способен стать богачом. Я сам ответил ему, сообщив то, что он и так должен был знать, и саркастически поблагодарил за дружескую помощь в трудную минуту. В этом было нечто похожее на острое наслаждение мезтью. Больше я о нем не слышал, и нет сомнений, что мое письмо не только удивило его, но и дало ему материал для размышлений.

И однако, при всех преимуществах, которыми я теперь обладал, как перед друзьями, так и перед врагами, положив руку на сердце, я не мог назвать себя счастливым. Я сознавал, что мне доступны любые мыслимые удовольствия и развлечения и что этому всякий бы позавидовал. И все же, стоя у окна и глядя на непрекращающийся дождь, я чувствовал, что чаша жизни полна горечью, а не сладостью. Многие вещи, которые должны были принести удовлетворение, оказались на удивление бесполезными. Например, я завалил прессу тщательными продуманными хвалебными анонсами моей грядущей книги. В годы бедности я представлял себе, как мог бы этим наслаждаться. Теперь же, когда мечты стали реальностью, мне было все равно. Собственное повторяемое на разные лады имя только утомляло меня. Разумеется, я с нетерпением ждал выхода книги, но даже эта перспектива отчасти утратила привлекательность, поскольку я с отвращением чувствовал, что ее содержание прямо противоположно моим теперешним представлениям о жизни.

Над улицами начал сгущаться туман, хотя дождь не прекращался, и я, чувствуя отвращение и к погоде, и к самому себе, отошел от окна, уселся в кресло у камина и стал ворошить угли, пока они не вспыхнули. Я раздумывал, что надо сделать, чтобы вывести свой ум из мрака, грозившего окутать его пологом таким же непроницаемым, как лондонский туман.

В дверь постучали. Я не без раздражения отозвался:

– Войдите!

В комнату вошел Риманес.

– Что же вы сидите в темноте, Темпест? – спросил он весело. – Почему не зажигаете свет?

– Мне достаточно камина, – сердито ответил я, – для размышлений, по крайней мере.

– А, так вы размышляли? Бросьте, это дурная привычка. Нынче никто не думает: люди просто не выдерживают, головы у них слабы. Стоит только начать думать, как обрушатся устои общества. И к тому же думать всегда скучно.

– Я тоже к этому пришел, – мрачно сказал я. – Лусио, со мной что-то не так.

Его пронизательные глаза зажглись отчасти веселым, отчасти удивленным огоньком.

– Что-то не так? Да что вы говорите? А что с вами может быть не так, Темпест? Разве вы не сказочный богач?

Я не стал реагировать на его сарказм.

– Послушайте, друг мой, – отвечал я вместо этого, – знаете ли вы, что я уже две недели вожусь с корректурой своей книги?

Он кивнул, продолжая улыбаться.

– Работа почти закончена, и я пришел к заключению, что эта книга не моя. Другими словами, она совершенно не отражает моих чувств, и непонятно, как мне удалось ее написать.

– Значит, она кажется вам глупой? – с сочувствием спросил Лусио.

– Нет! – ответил я почти возмущенно. – Глупой – ни в коем случае!

– Тогда скучной?

– Нет, она не скучная.

– Может быть, слишком сентиментальной?

– И это неверно.

– Но какой же тогда, дорогой друг? Если она не скучна, не глупа и не слишком сентиментальна, – весело перечислял он, – то какова же она? Должно же у нее быть какое-то свойство?

– Совершенно верно. И это свойство заключается в том, что она не выражает меня самого, – ответил я с горечью. – Эта книга выше меня. Я не смог бы ее написать сейчас и удивляюсь тому, что сумел тогда. Лусио, я, должно быть, несущую страшную чушь? Но мне кажется, что я стоял на какой-то более высокой ступени мысли, когда писал эту книгу. На высоте, с которой пал.

– Очень печально это слышать, – сказал Риманес. – Из ваших слов можно заключить, что вы склонны к литературному самовозвеличиванию. Это плохо, очень плохо! Ничего хуже и не придумаешь. Писать возвышенно – тяжкий грех, который никогда не прощают критики. Мне вас искренне жаль, мой друг. Не думал, что ваши дела так запущены.

Несмотря на депрессию, я не мог сдерживать смеха.

– Вы неисправимы, Лусио! Но ваша веселость действует на меня вдохновляюще. Вот что я хочу вам сказать: книга моя написана в некоем тоне, который, хотя и призван выразить нечто мне присущее, моим уже не является. Иначе говоря, мне сегодняшнему он не близок. Должно быть, я сильно переменялся с тех пор, когда писал эту книгу.

– Переменялись? Разумеется, а как же иначе? – искренне рассмеялся он. – Пять миллионов фунтов кого угодно сделают лучше – или хуже. Но вы занимаетесь чепухой и беспокоитесь о пустяках. Писателю только кажется, что он пишет то, что льется из его души, потому что, если бы это было правдой, он стал бы почти бессмертным. А эта планета слишком мала, чтобы вынести новых Гомеров, Платонов и Шекспиров. Не расстраивайтесь – вы не принадлежите к этой троице! Вы дитя своего века, Темпест, – упадочного эфемерного века, и большинство явлений, с ним связанных, также отмечены печатью упадка и эфемерности. Любая эпоха, в которой ведущую роль играет страсть к деньгам, оказывается гнилой изнутри и обречена на исчезновение. Об этом говорит вся история, но никто не хочет учить ее уроки. Посмотрите на знамения времени: искусство подчинилось сребролюбию, то же можно сказать о литературе, политике и религии. И вы не можете избежать общей болезни. Остается только извлекать из этой ситуации пользу, ибо исправить ее не может никто, и менее всего – вы, кому на долю досталось столько богатств.

Он смолк. Я не отвечал и только вглядывался в отблески огня и рушащиеся угли в камине.

– Послушайте, что я вам скажу, – продолжал он тихо, меланхолическим тоном. – Может быть, это прозвучит как смехотворная банальность, но в этом заключена истина, пусть прозаичная и извращенная. Вот она: для того, чтобы выразить в книге сильное чувство, вы прежде всего должны *чувствовать* сами. Похоже, когда вы писали это ваше сочинение, то ваши чувства были накалены – как иголки у ошетилившегося ежа, реагирующие на любое прикосновение извне, приятное или неприятное. Кто-то даже позавидовал бы такому состоянию, другие предпочитают обходиться без него. Теперь, когда вам не о чем тревожиться, не на что негодовать и не от кого защищаться, ваши чувства притупились, пребывают в приятном бездействии, и, значит, вы отчасти утратили прежнюю восприимчивость. Вот и все. Перемена, на которую вы жалуетесь, имеет объяснение: вам нечего так же остро переживать, и, следовательно, вы не можете понять, как вам когда-то это удавалось.

Мне не понравилась спокойная уверенность, с которой он говорил.

– Значит, вы принимаете меня за бесчувственное существо?! – воскликнул я. – Но вы ошибаетесь во мне, Лусио! Я очень остро чувствую...

– А что именно? – спросил он, пристально на меня глядя. – В этом городе есть сотни несчастных, умирающих от голода. Сотни мужчин и женщин, находящихся на грани самоубийства, потому что у них нет надежды ни на что – ни в этом, ни в ином мире, потому что никому на свете нет до них дела. А что вы чувствуете по отношению к ним? Разве *их* несчастья заботят вас? Вы сами знаете, что нет. Никогда вы о них не думаете – и к чему думать? Одно из главных преимуществ богатства – оно дает нам возможность позабыть о чужих невзгодах.

Я ничего не ответил. Впервые мой дух загорелся правдой его слов – потому что они *действительно* были правдой. Увы, Лусио! Если бы я только знал тогда то, что знаю сейчас...

– Вчера здесь был сбит ребенок, – продолжал он, как и раньше, вполголоса, – прямо напротив гостиницы. Это был *всего лишь* бедный ребенок. Я подчеркиваю: всего лишь. Его мать с криком выбежала из соседней улицы, но увидела уже только окровавленное тельце, бесформенной массой лежавшее на земле. Она вырвалась из рук тех, кто пытался ее увести, и с криком раненого зверя упала лицом в грязь – мертвая. Это была всего лишь бедная женщина – снова «всего лишь». В газете промелькнули три строчки об этом под заглавием «Печальное происшествие». Швейцар у входа в гостиницу наблюдал за происходящим с невозмутимым, безмятежно-важным видом, как аристократ – спектакль. Однако минут через десять после того, как тело женщины унесли, это напыщенное создание с золотыми пуговицами согнулось пополам и с рабской поспешностью отворило дверцу вашей кареты, дорогой Джеффри, когда вы подъехали ко входу. Вот наглядное представление жизни в наше время, а ханжи-священники уверяют, что все мы равны перед Небесами! Может быть, и равны – хотя не очень-то похоже. Но даже если они правы – какое это имеет значение, если никого давно не волнует, как к нему относятся Небеса? Я не читаю вам мораль, а просто без прикрас рассказываю про «печальный случай». И при этом я уверен, что вы не испытываете никакого сожаления ни по поводу сбитого ребенка, ни по поводу его матери, умершей от сердечного приступа. И не говорите, что сожалеете: я знаю, что это неправда!

– Но можно ли скорбеть о людях, которых мы не знаем и даже никогда не видели... – начал я.

– Верно! – подхватил Риманес. – Нельзя! И вот еще вопрос: как вообще человек может чувствовать, если он прекрасно существует и желает исключительно материального благополучия? Итак, мой дорогой Джеффри, вам остается довольствоваться тем, что ваша книга будет верным отражением вашего прошлого, когда ваши чувства были обострены и вы были восприимчивы. Теперь вы заключены в толстый золотой футляр, который надежно защищает вас

от всего, заставляющего дрожать, корчиться, вопить от муки и негодования и бессознательно тянуться за крылатым гением, именуемым Славой!

– Вам следовало стать оратором, – сказал я, вскочив и принимаясь с досадой расхаживать по комнате. – Но мне ваши слова не приносят утешения. И они не кажутся мне верными. Славы достичь довольно легко.

– Простите меня за назойливость, – ответил Лусио с неодобрительным жестом, – но легко можно достичь только известности. Ее преподнесут вам критики, если пообедают и выпьют вина за ваш счет. Но слава – это голос всей цивилизованной публики во всем мире.

– Публика! – повторил я презрительно. – Публике нравится только дребедень!

– Зачем же тогда к ней обращаться? – спросил он с улыбкой. – Если вы так плохо думаете о публике, зачем отдавать ей плоды вашей умственного труда? Она недостойна столь редкого блага! Послушайте, милый Темпест, не надо вторить рычанию авторов-неудачников, которые, не добившись успеха, находят облегчение, изливая ругательства на публику. Публика – лучший друг автора и самый верный его критик. Но если вы предпочитаете презирать ее, как это делают все мелкие литературные торговцы, члены общества взаимного восхищения, то я скажу вам, что надо делать: напечатать всего двадцать экземпляров вашей книги и представить ее ведущим рецензентам. А когда они отзовутся (не беспокойтесь – я позабочусь об этом!), пусть ваше издательство объявит, что первое и второе многотиражные издания нового романа Джеффри Темпеста уже распроданы, сто тысяч экземпляров ушло за неделю! Если это не вызовет переполох, я очень удивлюсь!

Я рассмеялся: настроение мое мало-помалу улучшалось.

– Отличный план действий: так поступают многие современные издатели, – сказал я. – Распродажа литературных товаров в наши дни напоминает выкрики торговцев, катающих свои тележки в трущобах. Но я не собираюсь заходить так далеко. Лучше добиться славы законным путем, если это возможно.

– В том-то и дело, что невозможно! – объявил Лусио. – Для этого вы слишком богаты. В литературном мире это уже само по себе незаконно. Великое искусство обычно носит бедность в петлице, как благодатный цветок. В таких условиях борьба не может быть равной. То обстоятельство, что вы миллионер, должно на какое-то время склонить чашу весов в вашу пользу. Люди не способны сопротивляться деньгам. Если бы я, например, стал писателем, то наверняка употребил бы свое богатство и влияние на то, чтобы уничтожить лавры всех прочих. Представьте, что какой-то бедняк выпустит книгу одновременно с вами: у него не будет ни малейшего шанса против вас. Он не сможет ни разрекламировать ее так же щедро, как вы, ни подкормить критиков. И если у него окажется больше таланта, чем у вас, а успеха добьетесь вы, то этот успех не будет законным. Но ведь это и не имеет большого значения. В искусстве, как нигде больше, все само собой возвращается к норме.

Я не стал сразу отвечать и вместо этого подошел к письменному столу, запечатал рукопись и надписал адрес типографии. Позвонив, я вызвал своего лакея Морриса и велел отнести посылку сей же час на почту. Только после этого я снова поглядел на Лусио, тот все еще сидел у камина. Однако вид у него был теперь весьма меланхоличный: князь прикрыл глаза рукой, на которой играли красные отсветы пламени. Я пожалел о вспышке раздражения, которую не мог сдержать, когда он стал высказывать горькие для меня истины, – и коснулся его плеча.

– Вы в печали, Лусио? – спросил я. – Неужели мой сплин оказался заразительным?

Князь убрал руку со лба и поглядел на меня. Глаза его были огромными и блестящими, как у прекрасной женщины.

– Я думал, – сказал он с еле слышным вздохом. – Думал о последних словах, которые сам же и произнес: *все само собой возвращается к норме*. Как ни странно, в искусстве так и происходит: никакое шарлатанство или притворство не способно ввести в заблуждение парнасских

богов. Но в других областях дело обстоит иначе. Например, могу ли *я сам* вернуться к норме? Жизнь иногда относится ко мне с большей ненавистью, чем к кому бы то ни было.

– Не влюблены ли вы? – с улыбкой спросил я.

– Влюблен? Клянусь землей и небом, от одного только такого предположения во мне просыпается жажда мести! Влюблен? Да какая женщина, скажите на милость, может произвести впечатление на *меня*, если она всего лишь фривольная кукла, одетая в розовое и белое, с длинными волосами – часто не своими собственными? Что же касается этих рядящихся в мужскую одежду теннисисток и гигантесс, которых так много развелось в последнее время, то я их женщинами не считаю. Это просто какие-то ненатуральные и напыщенные эмбрионы нового пола, который не будет ни мужским и ни женским. Мой дорогой Темпест, я ненавижу женщин. И вы их возненавидите, если будете знать так же хорошо, как я. Они сделали меня тем, что я есть, и благодаря им я остаюсь собой.

– Пожалуй, это чересчур, – заметил я. – Вы оказываете им слишком много чести.

– Да, это правда, – ответил он задумчиво. – И не только такой чести.

На лице князя промелькнула еле заметная усмешка, и глаза сверкнули тем странным алмазным блеском, который мне уже доводилось видеть несколько раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.